ТРОЦКИЙ

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО БРЕСТСКОГО МИРА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН171
0829

Л. ТРОЦКИЙ

ОТ ОКТЯБРЯ ДО БРЕСТА

ЕН171
О 829

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОЛЕТАРИЙ

947
m 7520

Л. Д. ТРОЦКИЙ

ЕН 171
0829/2

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ДО БРЕСТСКОГО МИРА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ХАРЬКОВ
1924

2 экз.

К.

ЕН171
О 8292

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
(№ 6392
1926.)

12168

1062933

КИЕВ
Трест „Киев-Печать", Гостипография № 8.
ул. Л. Толстого (б. Караваевская) № 5.
Р.У.П. Киев. 1924 731—7000

Л. Д. Троцкій

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Я давно уже, т. е. три-четыре года, ношусь с мыслью переработать свою книжку об Октябрьской революции и обновить ее предисловием, которое установило бы новую перспективу, в соответствии с развернувшимися за последние годы событиями. Книжка весьма нуждается в переработке. Она писалась вся целиком по памяти, без каких бы то ни было справок в документах и газетах. Насколько могу судить, фактических ошибок в книге нет или почти нет, но зато отсутствуют такие необходимейшие фактические данные, которые могли бы явиться материальной опорой для многих обобщений. Суть в том, что работа эта писалась в такой момент, когда все события были еще очень свежи в памяти всех участников, и целью изложения явилось лишь связать эти события воедино, об'яснить их общий смысл, установить перспективу. Теперь, спустя шесть лет, поднялось новое поколение, которое в событиях 17-го года не принимало или почти не принимало участия, да и у «стариков» многое уплыло из памяти. Введение фактического материала, хотя бы и в самом сжатом виде было бы поэтому чрезвычайно необходимым. Но текущие события не дали мне до сих пор возможности

вернуться к работе, посвященной Октябрьской революции.

Что касается предисловия, то оно должно было бы установить главные вехи после октябрьского развития. Это тоже очень сложная задача, особенно в нынешний поворотный момент, когда мы, по всем данным, близко придвинулись к революционным событиям в Германии. Вся история получит иное лицо, в зависимости от хода и исхода германской революции. Такого рода обобщающее предисловие потребовало бы однако значительного времени, которым я, к сожалению, сейчас не располагаю. Вот почему я, вместо предисловия, вынужден дать это письмо, которое не дополняет книжку об Октябрьской революции, а только об'ясняет, чего в ней нет и чем следовало бы ее дополнить.

С коммунистическим приветом

Л. ТРОЦКИЙ.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

МЕЩАНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РЕВОЛЮЦИИ.

События развиваются в эту эпоху с такой быстротой, что их трудно восстановлять по памяти, даже в их простой хронологической последовательности. Под руками у нас нет ни газет, ни документов. Между тем периодические перерывы в переговорах в Брест-Литовске создают досуг, которого в настоящих условиях больше не дождешься. Я постараюсь поэтому восстановить на память ход и развитие октябрьской революции, сохраняя свое право затем пополнить и исправить изложение по документам.

То, что характеризовало нашу партию почти с первого же периода революции,—это уверенность в том, что она дальнейшей логикой событий будет приведена к власти. Я не говорю о теоретиках партии, которые за много лет до революции, еще до революции 1905 года, исходя из анализа классовых отношений в России, приходили к тому выводу, что победоносное развитие революции должно будет неизбежно передать власть пролетариату, опирающемуся на широкие массы беднейшего крестьянства. Главной основой этого предвидения являлось ничтожество русской буржуазной демократии и концентрированный характер русской промышленности, а стало-быть, огромное социальное значение русского пролетари-

ата. Ничтожество буржуазной демократии есть оборотная сторона силы и значения пролетариата. Правда, война временно обманула на этот счет весьма многих и прежде всего руководящие группы самой буржуазной демократии. Война отвела решающую роль в событиях революции—армии. Старая армия, это—крестьянство. Если бы революция развивалась более нормально, то-есть в условиях мирной эпохи, так, как она началась с 1912 года, пролетариат неизбежно занимал бы все время руководящее место, а крестьянские массы постепенно вовлекались бы на буксире пролетариата в революционный водоворот. Но война создала совершенно другую механику событий. Армия связала крестьянство—не политической, а военной связью. Прежде чем крестьянские массы оказались сплоченными известными революционными требованиями и идеями, они были уже об'единены в кадры полков, дивизий, корпусов, армий. Элементы мелкобуржуазной демократии, рассеянные в этой армии и игравшие в ней руководящую роль как в военном, так и в идейном отношении, были почти сплошь проникнуты мещански-революционными настроениями. Глубокое социальное недовольство в массах обострилось и рвалось наружу, особенно благодаря военному крушению царизма. Пролетариат в лице своих передовых слоев, как только развернулась революция, возродил традицию 1905 года и призвал народные массы к организации в виде представительных учреждений—Советов депутатов. Армия оказалась призванной посылать своих представителей в революционные учреждения, прежде чем ее политическое сознание сколько-нибудь приблизилось

к уровню развертывавшихся революционных событий. Кого могли посылать солдаты в качестве депутатов? Тех представителей интеллигенции и полуинтеллигенции, которые имелись в их среде и обладали некоторым, хотя бы минимальным запасом политических сведений и умели их выражать. Таким образом, мелкобуржуазная интеллигенция сразу оказалась волею пробуждающейся армии поднята на огромную высоту. Врачи, инженеры, адвокаты, журналисты, вольноопределяющиеся, которые в довоенных условиях жили совершенно обывательской жизнью и не претендовали ни на какую роль, сразу оказались теперь представителями целых корпусов и армий и почувствовали себя «вождями» революции. Расплывчатость их политической идеологии вполне соответствовала бесформенности революционного сознания масс. Эти элементы с крайним высокомерием относились к нам, «сектантам», которые выдвигали социальные требования рабочих и крестьян со всей остротой и непримиримостью. В то же самое время мелкобуржуазная демократия под высокомерием революционной выскочки таила глубочайшее недоверие к самой себе и к той массе, которая подняла ее на неожиданную высоту. Называя себя социалистической и считая себя таковой, интеллигенция с худо скрываемой почтительностью относилась к политическому могуществу либеральной буржуазии, к ее знаниям и методам. Отсюда стремление мелкобуржуазных вождей во что бы то ни было добиться сотрудничества, союза, коалиции с либеральной буржуазией. Программа партии социалистов-революционеров—вся целиком созданная из расплывчатых

гуманитарных формулировок, заменяющая классовый метод сантиментальными общими местами и моралистическими построениями—являлась как нельзя более подходящим духовным облачением для этого слоя вождей ad hoc. Их стремления так или иначе пристроить свою духовную и политическую беспомощность к столь импонировавшей им науке и политике буржуазии находили свое теоретическое оправдание в учении меньшевиков, которое раз'ясняло, что настоящая революция есть революция буржуазная и стало быть не может обойтись без участия буржуазии во власти. Таким образом сложился естественный блок социалистов-революционеров и меньшевиков, в котором находила свое одновременное выражение политическая половинчатость мещанской интеллигенции и ее вассальные отношения к империалистическому либерализму.

Для нас было совершенно ясно, что логика классовой борьбы раньше или позже разрушит эту временную комбинацию и отбросит в сторону вождей переходного периода. Гегемония (верховенство) мелкобуржуазной интеллигенции означала в сущности тот факт, что крестьянство, внезапно призванное через посредство военного аппарата к организованному участию в политической жизни, массой своей подавило и временно оттеснило рабочий класс. Более того. Поскольку мещанские вожди оказались вдруг поднятыми на огромную высоту массовидностью армии, сам пролетариат, за вычетом своего передового меньшинства, не мог не проникнуться известным политическим уважением к ним, не мог не стремиться сохранять с ними политическую связь,—

иначе ему грозила опасность оказаться оттертым от крестьянства. А в памяти старшего поколения рабочих твердо сидел урок 1905 года, когда пролетариат оказался разбитым именно потому что тяжелые крестьянские резервы не подоспели в момент решающего боя. Вот почему в эту первую эпоху революции даже пролетарские массы оказывались весьма восприимчивы к политической идеологии социалистов-революционеров и меньшевиков тем более, что революция пробудила дремавшие до того времени отсталые пролетарские массы и сделала для них, таким образом, бесформенный интеллигентский радикализм подготовительной школой. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов означали в этих условиях господство крестьянской бесформенности над пролетарским социализмом и господство интеллигентского радикализма над крестьянской бесформенностью. Здание Советов с такой быстротой поднялось на огромную высоту в значительной мере благодаря руководящей роли в советской работе интеллигенции с ее техническими знаниями и буржуазными связями. Но для нас было ясно, что все это внушительное здание построено на глубочайших внутренних противоречиях и что крушение его на следующем этапе революции совершенно неизбежно.

ВОПРОС О ВОЙНЕ.

Революция выросла непосредственно из войны, и война стала оселком для всех партий и сил революции. Интеллигентские вожди были «против войны»; многие из них в эпоху царизма считали себя сторонниками левого крыла в Интернационале, примыкали к Циммервальду. Но все сразу изменилось, когда они почувствовали себя на «ответственных» постах. Вести политику революционного социализма значило в этих условиях рвать с буржуазией, своей и союзнической. А мы уже сказали, что политическая беспомощность интеллигентского и полуинтеллигентского мещанства искала себе прикрытия в союзе с буржуазным либерализмом. Отсюда жалкая и поистине постыдная роль мещанских вождей в вопросе о войне. Они ограничивались воздыханиями, фразами, тайными увещаниями или мольбами по адресу союзных правительств, а на деле шли по тому же пути, что и либеральная буржуазия. Солдатские массы, наполнявшие окопы, не могли, разумеется, притти к выводу, что война, в которой они участвовали в течение почти трех лет, изменила свой характер только потому, что в Петроградском правительстве участвуют какие-то новые лица, называющие себя социалистами-революционерами или меньшевиками. Милюков сменил чиновника Покровского, Терещенко сменил Милюкова—это значит, что бюрократическое вероломство оказалось сменено сперва боевым кадетским империализмом, затем беспринципной расплывчатостью и политическим при-

служничеством, но об'ективных перемен это не давало, и выход из страшного круга войны не намечался. Здесь именно заложена первопричина дальнейшего разложения армии. Солдатской массе агитаторы говорили, что царское правительство посылало ее на убой без цели и без смысла. А те, которые пришли царю на смену, ни в чем не сумели изменить характера войны, как не сумели встать на путь борьбы за мир. Первые месяцы были топтанием на месте. Это вызывало в одинаковой мере нетерпение как армии, так и союзных правительств. Отсюда выросло наступление 18-го июня. Его требовали союзники, пред'являя ко взысканию старые царские векселя. Запуганные своей собственной беспомощностью и возрастающим нетерпением масс, вожди мещанства пошли навстречу этому требованию. Им и впрямь начало казаться, что для достижения мира не хватает только натиска со стороны русской армии. Наступление стало казаться им выходом из тупика, решением вопроса, спасением. Трудно представить себе заблуждение более чудовищное и более преступное. Они говорили в тот период о наступлении такими же словами, какими социал-патриоты всех стран говорили в первые дни и недели войны о необходимости поддержать дело национальной обороны, скрепить священное единение наций и пр. и пр. Все их Циммервальдские интернационалистические увлечения как рукой сняло. Для нас, находившихся в непримиримой оппозиции, было ясно, что путь наступления есть путь страшной опасности, может-быть, гибели всей революции. Мы предупреждали, что армию, которая пробуждена и расшатана грохотом еще

1062933
С 90 / 1776
БИБЛИОТЕКА
Ин-та партгенз ... при ЦК КПСС

далеко не вполне осознанных ею событий, нельзя посылать в бой, не дав ей новых идей, которые она осознала бы как свои идеи. Мы предостерегали, обличали, грозили. Но так как для руководящих партий, связанных со своей и союзной буржуазией, другого пути не оставалось, то к нам, естественно, относились с враждою, более того — с ожесточенной ненавистью.

КАМПАНИЯ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ.

Будущий историк не без волнения будет просматривать листы русских газет за май и июнь, когда происходила идейная подготовка наступления. Почти все статьи без из'ятия во всех правительственных и официозных газетах направлялись против большевиков. Не было того обвинения, не было той клеветы, которая не была бы мобилизована против нас в ту эпоху. Руководящую роль в этой кампании играла, разумеется, кадетская буржуазия, которой ее классовый инстинкт подсказывал, что дело идет не только о наступлении, а обо всем дальнейшем развитии революции и в первую голову о судьбе государственной власти. Буржуазный аппарат «общественного мнения» развернулся тут во всей своей силе. Все органы, учреждения, издания, трибуны, кафедры были поставлены на службу одной общей цели: сделать большевиков невозможными, как политическую партию. В сосредо-

точенной напряженности и в драматизме газетной кампании против большевиков предвосхищалась уже та гражданская война, которая должна была развернуться на следующем этапе революции. Задачей травли и клеветы являлось создание полной отчужденности и враждебности, глухой стены между трудящимися массами, с одной стороны, и «образованным обществом»—с другой. Либеральная буржуазия понимала, что ей не приручить масс без посредства и помощи той мещанской демократии, которая, как мы указали выше,—оказалась временно руководительницей революционных организаций. Поэтому непосредственной задачей политической травли большевиков являлось внесение непримиримой вражды между нашей партией и широкими слоями «социалистической интеллигенции», которая, отколовшись от пролетариата, не могла не попасть в кабалу к либеральной буржуазии.

Во время первого Всероссийского С'езда Советов грянул первый тревожный гром, предсказывавший будущие грозные события. На десятое июня партия назначила в Петрограде вооруженную демонстрацию. Ее непосредственной целью являлось воздействие на Всероссийский С'езд Советов.—«Берите власть,—так хотели петроградские рабочие сказать с'ехавшимся со всей страны с.-р. и меньшевикам.—Порвите с буржуазией, отбросьте идею коалиции и берите в руки власть». Для нас было ясно, что разрыв с.-р. и меньшевиков с либеральной буржуазией заставил бы их искать опоры в наиболее решительных, передовых слоях пролетариата и тем самым обеспечивал бы за этими последними руководящее значе-

ние. Но именно этого испугались мещанские вожди. В союзе с правительством, в котором они имели своих представителей, рука об руку с либеральной и контр-революционной буржуазией, они открыли, поистине, бешеный поход против предполагавшейся демонстрации, как только узнали о ней. Все было поставлено на ноги. Мы были тогда на С'езде в незначительном меньшинстве и—отступили. Демонстрация не состоялась. Но эта несостоявшаяся демонстрация оставила глубочайший след в сознании обеих сторон, углубила противоречия, обострила вражду. На закрытом заседании президиума С'езда, с участием представителей фракций, Церетели, тогда министр коалиционного правительства, со всей решительностью ограниченного мещанского доктринера говорил о том, что единственная опасность, которая угрожает революции, это—большевики и вооруженный ими петроградский пролетариат. Отсюда он делал тот вывод, что необходимо разоружить людей, которые «не умеют обращаться с оружием»: это относилось к рабочим и тем частям петроградского гарнизона, которые следовали за нашей партией. Однако, разоружение не состоялось—для такой острой меры не были еще в достаточной степени подготовлены политические и психологические условия.

Чтобы дать массам удовлетворение за отмененную демонстрацию, С'езд Советов назначил общую, безоружную демонстрацию на 18-ое июня. Но именно этот день стал днем политического торжества нашей партии. Массы вышли на улицы могучими колоннами, и, несмотря на то, что вызваны они были оффициальным Советским Уч-

реждением в противовес нашей несостоявшейся манифестации 10-го июня, рабочие и солдаты написали на своих знаменах и плакатах лозунги нашей партии: «Долой тайные договоры». «Долой политику наступления». «Да здравствует честный мир». «Долой десять министров-капиталистов». «Вся власть Советам». Плакатов с выражением доверия коалиционному правительству оказалось только три: один от казачьего полка, другой от группы Плеханова и третий от петроградской организации Бунда, состоящей главным образом из непролетарских элементов. Эта демонстрация показала не только нашим врагам, но и нам самим, что мы в Петрограде гораздо сильнее, чем предполагали.

НАСТУПЛЕНИЕ 18-го ИЮНЯ.

Правительственный кризис в результате демонстрации этих революционных масс казался совершенно неизбежным. Но впечатление демонстрации было смыто вестью с фронта о том, что революционная армия перешла в наступление. В тот самый день, когда пролетариат и гарнизон Петрограда требовали опубликования тайных договоров и открытого предложения мира, Керенский бросил революционные войска в наступление. Это, разумеется, не было случайным совпадением. Прожекторы подготовили все заранее, и момент наступления был избран не по военным, а по политическим мотивам. 19-го июня

по улицам Петрограда двигались так называемые патриотические манифестации. Невский проспект—главная артерия буржуазии—был весь усеян возбужденными группами, среди которых офицеры, журналисты и нарядные дамы вели ожесточенную агитацию против большевиков. Первые вести о наступлении были благоприятны. Руководящая либеральная пресса считала, что главное сделано, что удар 18-го июня, независимо от того, каковы будут его дальнейшие военные последствия, явится смертельным ударом для развития революции, воссоздаст старую дисциплину в армии и закрепит командное положение в государстве за либеральной буржуазией. Мы предсказывали другое. В особой декларации, которую мы огласили на первом С'езде Советов за несколько дней до наступления 18-го июня, мы заявили, что это наступление, неизбежно, разрушит внутреннюю связь в армии, противопоставит разные ее части друг другу, даст огромный перевес в руки контр-революционных элементов, так как поддержание дисциплины в расшатанной, идейно необновленной армии будет невозможно без суровых репрессий. Другими словами, мы предсказывали в этой декларации те последствия, которые получили затем собирательное имя корниловщины. Мы считали, что революции грозит величайшая опасность в обоих случаях—при успехе наступления, в который мы не верили, и при неудаче, которая казалась нам почти неизбежной. Успех наступления должен был сплотить мещанство с буржуазией в единстве шовинистических настроений и изолировать таким образом революционный пролетариат. Неудача наступления

грозила полным развалом армии, ее стихийным отступлением, потерей новых провинций, разочарованием и отчаянием масс. События пошли по этому пути. Победоносные вести шли недолго. Они заменились мрачными сообщениями об отказе многих частей поддерживать наступающих, о гибели офицерства, из которого иногда сплошь составлялись ударные единицы и т. д. *).

*) В виду большого исторического значения, приводим здесь в извлечении документ, оглашенный нашей партией на Всероссийском С'езде Советов 3-го июня 1917 г., т. е. за две недели до наступления: «Мы считаем необходимым в первую очередь работ С'езда поставить вопрос, от которого зависят судьбы не только всех остальных мероприятий С'езда, но—в полном и точном смысле слова—судьба всей русской революции: вопрос о подготовляемом на ближайшее время военном наступлении.

Поставивши народ и армию, которая не знает во имя каких международных целей она в данных условиях призвана проливать кровь, пред фактом наступления со всеми его последствиями, контр-революционные круги России рассчитывают и на то, что наступление вызовет сосредоточение власти в руках военно-дипломатических и капиталистических групп, связанных с английским, французским и американским империализмом, и освободит их от необходимости считаться в дальнейшем с организованной волей русской демократии.

Закулисные контр-революционные инициаторы наступления, не останавливающиеся перед «военной авантюрой», сознательно пытаются сыграть на разложении армии, вызываемом всем внутренним и международным положением страны, и в этих целях внушают отчаявшимся элементам демократии ту, в корне ошибочную мысль, будто самый факт наступления способен «возродить» армию и таким механическим путем возместить отсутствие определенной действенной программы ликвидации войны. Между тем ясно, что такое наступление может лишь окончательно дезорганизовать армию, противопоставляя одни ее части другим».

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Военные события разыгрывались на основе все более нарастающих затруднений во внутренней жизни страны. В области земельного вопроса, промышленности, национальных отношений коалиционное правительство не делало ни одного решительного шага вперед. Продовольствие и транспорт расстраивались все больше. Столкновения на местах учащались. «Социалистические» министры уговаривали массы подождать. Все решения и мероприятия откладывались, в том числе и Учредительное Собрание. Несостоятельность и неустойчивость режима были очевидны. Возможных выходов открывалось два: отбросить буржуазию от власти и двинуть революцию вперед или перейти к «обузданию» народных масс при помощи суровых репрессий. Керенский и Церетели держались среднего пути и только запутывали положение. Когда кадеты, наиболее умные и дальновидные представители коалиции, поняли, что неудавшееся наступление 18-го июня может тяжело ударить не только по революции, но и по правящим партиям, они поторопились отойти временно к стороне, взвалив всю тяжесть ответственности на своих союзников слева. 2-го июля произошел министерский кризис, формальным поводом к которому послужил украинский вопрос. Это был момент чрезвычайного политического напряжения во всех смыслах. С разных концов фронта являлись делегации и отдельные представители и рассказывали о том хаосе, который воцарился в армии в результате

наступления. Так называемая государственная печать требовала суровых репрессий. Подобные же голоса все чаще раздавались со страниц так называемой социалистической печати. Керенский все больше или, вернее, все открытее переходил на сторону кадет и кадетских генералов, демонстративно обнаруживая не только свою ненависть к большевикам, но и свою неприязнь к революционным партиям вообще. Союзные посольства нажимали на правительство, требуя восстановления дисциплины и продолжения наступления. В правительственных кругах царила величайшая растерянность. В рабочих массах накопилось негодование, которое нетерпеливо просилось наружу. «Воспользуйтесь выходом в отставку кадетских министров и возьмите всю власть в свои руки!»—таков был призыв рабочих Петрограда, обращенный к руководящим советским партиям, социалистам-революционерам и меньшевикам. Я вспоминаю заседание Исполнительного Комитета, происходившее 2-го июля. Министры-социалисты явились туда для доклада о новом кризисе власти. Мы с напряженным интересом ожидали, какую позицию займут они теперь, после того как коалиция, которую они создавали и охраняли, так бесславно распалась при тяжком испытании, порожденном самой коалиционной политикой. Докладчиком был Церетели. Он пространно об'яснял Исполнительному Комитету, что те уступки, какие он вместе с Терещенко сделал Киевской раде, отнюдь не означали расчленения страны и потому не давали кадетам достаточных оснований для выхода из министерства. Церетели обвинял кадетских вождей

в централистическом доктринерстве, в непонимании необходимости компромисса с украинцами и пр. и пр. Впечатление получалось до последней степени жалкое. Безнадежный доктринер коалиции обвинял в доктринерстве трезвых политиков капитала, которые воспользовались первым подходящим предлогом для того, чтобы заставить своих политических приказчиков расплачиваться за тот решительный поворот, какой они придал развитию событий наступлением 18-го июня. А вывод? После всех предшествовавших опытов коалиции казалось, что вывод может быть только один—разрыв с кадетами, создание Советской власти. Соотношение сил внутри Советов было тогда таково, что Советская власть в партийном смысле оказалась бы непосредственно в руках у социалистов-революционеров и меньшевиков. Мы сознательно шли навстречу этому. Советский механизм обеспечивал, благодаря возможности постоянных перевыборов, достаточно точное отражение изменяющихся влево настроений рабочей и солдатской массы. К тому же после разрыва коалиции с буржуазией, радикальные тенденции должны были, по нашему предвидению, получить перевес в составе Советов. При этих условиях борьба пролетариата за власть естественно вошла бы в русло Советской организации и могла бы развернуться безболезненно. Порвав с буржуазией, мещанская демократия сама попала бы под ее удары и вынуждена была бы искать теснейшей связи с социалистическим пролетариатом, а ее нерешительность и политическая бесформенность были бы раньше или позже преодолены трудящимися массами под

ударами нашей критики. Вот почему мы требовали от руководящих советских партий, к которым не питали политического доверия и не скрывали этого, чтоб они взяли в свои руки власть.

Но и после министерского кризиса 2-го июля Церетели и его единомышленники не отказались от своей коалиционной «идеи». Они раз'яснили в Исполнительном Комитете, что руководящие кадеты, правда, развращены доктринерством и даже контр-революционностью, но что в провинции имеется много буржуазных элементов, которые способны еще идти нога в ногу с революционной демократией, и что для обеспечения сотрудничества с ними необходимо привлечь в состав нового министерства представителей буржуазии. Дан уже с надеждой взирал на радикально-демократическую партию, которая была состряпана около того времени несколькими проблематическими политиками. Весть о том, что коалиция разбилась только затем, чтобы уступить место новой коалиции, быстро распространилась по Петрограду и вызвала бурю возмущения в рабочих и солдатских кварталах. Так выросли события 3—5 июля.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ.

Уже во время заседания Исполнительного Комитета нам сообщали по телефону о том, что пулеметный полк готовится к наступлению. Мы по телефону же приняли меры к тому, чтобы удержать его. Но на низах шла своя большая ра-

бота: с фронта приходили представители расформированных за непокорность частей, приносили тревожные вести о репрессиях и будоражили гарнизон. Среди петроградских рабочих недовольство официальными руководителями было тем острее, что Церетели, Дан и Чхеидзе фальсифицировали общественное мнение пролетариата, стараясь не дать возможности Петроградскому Совету стать выразителем новых настроений трудящейся массы. Всероссийский Исполнительный Комитет, созданный на июньском с'езде и опиравшийся на более отсталую провинцию, все больше оттеснял на задний план Петроградский Совет и забирал в свои руки руководство даже чисто петроградскими делами. Столкновение было неизбежно. Рабочие и солдаты напирали снизу, бурно выражая недовольство официальной Советской политикой, и требовали от нашей партии более решительных действий. Мы считали, что час для таких действий еще не наступил—в виду отсталости провинции. Но в то же время мы опасались, что события на фронте могут внести непомерный хаос в ряды революции и поселить отчаяние в сердцах масс. В рядах нашей партии отношение к движению 3—5-го июля не было вполне определенным. С одной стороны, было опасение, что Петроград может оторваться от остальной страны, с другой стороны, была надежда на то, что только энергичное и активное вмешательство Петрограда может спасти положение. Партийные агитаторы на низах шли с массой и вели непримиримую агитацию.

Была еще некоторая надежда, что выступление революционных масс на улице разобьет ту-

пое доктринерство соглашателей и заставит их понять, что держаться дольше у власти можно только открытым разрывом с буржуазией. Вопреки тому, что говорилось и писалось в следующие дни в буржуазной печати, в нашей партии не было совершенно плана захвата власти путем вооруженного восстания. Дело шло о революционной демонстрации, возникшей стихийно, но политически руководившейся нами.

Центральный Исполнительный Комитет заседал в Таврическом дворце, когда бурные волны вооруженных солдат и рабочих окружили дворец со всех сторон. Среди демонстрантов были, разумеется, в ничтожном меньшинстве, анархические элементы, готовые пустить в ход оружие против Советского центра. Были и преступные, черносотенные, явно наемные элементы, стремившиеся использовать положение и вызвать погромный хаос. Из среды этих элементов исходили требования арестовать Чернова, Церетели, разогнать Исполнительный Комитет и проч. Была даже попытка арестовать Чернова. Позже, в Крестах, я узнал одного из матросов, принимавших участие в этой попытке: он оказался уголовным суб'ектом и сидел в Крестах за грабеж. Но буржуазная и соглашательская печать изобразила все движение как погромный, контрреволюционный и, в то же время, большевистский поход, имевший непосредственной задачей овладеть властью путем вооруженного насилия над Центральным Исполнительным Комитетом.

Движение 3—5-го июля обнаружило уже с полной ясностью, что вокруг правящих Советских партий в Петрограде царит пустота. Дале-

ко не весь еще гарнизон был тогда с нами. Были колеблющиеся части, нерешительные, пассивные. Но если не считать юнкеров, не было совершенно таких частей, которые готовы были бы бороться против нас в защиту правительства или руководящих Советских партий. Пришлось вызывать войска с фронта. Вся стратегия Церетели, Чернова и др. 3-го июля сводилась к тому, чтобы оттянуть время и дать возможность Керенскому подтянуть к Петрограду «надежные» части. В зал Таврического дворца, окруженного густой массой вооруженного народа, входила одна депутация за другой и требовала полного разрыва с буржуазией, решительных социальных реформ и открытия мирных переговоров. Мы, большевики, встречали на улице или во дворе каждый новый отряд демонстрантов речами, в которых призывали к спокойствию и выражали уверенность в том, что при нынешнем настроении масс соглашателям не удастся создать новую коалиционную власть. Особенно решительно настроены были кронштадцы, которых лишь с трудом удавалось сдерживать в пределах демонстрации. Четвертого демонстрация развернулась еще шире—уже под прямым руководством нашей партии. Советские вожди были растеряны, речи их носили уклончивый характер, ответы, которые давал Улисс-Чхеидзе депутациям, лишены были какого-бы то ни было политического содержания. Было ясно, что оффициальные вожди выжидают.

Ночью 4-го стали прибывать с фронта «надежные» войска. Во время заседания Исполнительного Комитета здание Таврического дворца огласилось медными звуками Марсельезы.

Лица членов президиума сразу изменились. Появилась уверенность, которой так не хватало в течение последних дней. Это вступал в Таврический дворец Волынский полк—тот самый, который несколько месяцев спустя шел в авангарде октябрьской революции под нашими знаменами. С этого момента все изменилось. С делегациями петроградских рабочих и солдат, с представителями Балтийского флота не было больше нужды церемониться. С трибуны Исполнительного Комитета раздались речи о вооруженном мятеже, который ныне подавлен верными революции войсками. Большевики были об'явлены контр-революционной партией.

Страх, какой испытывала либеральная буржуазия в течение двух дней вооруженной демонстрации, вышел наружу в виде клокочущей ненависти, не только на газетных столбцах, но и на улицах Петрограда, особенно на Невском проспекте, где беспощадно избивали отдельных рабочих и солдат, застигнутых на месте преступной агитации. Юнкера, офицеры, ударники, георгиевские кавалеры оказались господами положения. Во главе их стали от'явленные контр-революционеры. В городе шел беспощадный разгром рабочих организаций и учреждений нашей партии. Начались аресты, обыски, избиения и отдельные убийства. 4-го ночью тогдашний министр юстиции Переверзев сдал в печать «документы», которые должны были свидетельствовать, что во главе партии большевиков стоят подкупленные агенты Германии. Руководители партии социалистов-революционеров и меньшевиков слишком давно и слишком хорошо знали нас, чтобы верить

этому обвинению, но в то же время они были слишком заинтересованы в его успехе, чтобы открыто выступить против него. И сейчас еще нельзя без омерзения вспомнить о той вакханалии лжи, которая разлилась по страницам всех буржуазных и соглашательских газет. Наша пресса была раздавлена. Революционный Петроград почувствовал, что провинция и армия еще далеко не с ним. В рабочих кварталах наступил короткий момент замешательства. В гарнизоне пошли репрессии: расформирования полков, обезоружения отдельных частей. Тем временем советские вожди фабриковали новое министерство с включением в него представителей третьестепенных буржуазных групп, которые, ничего не внося в правительство, однако, лишали его последней доли революционной инициативы.

На фронте события шли тем временем своим чередом. Организм армии был потрясен до самых глубин. Солдаты убеждались на деле, что огромная часть офицерства, перекрасившись в начале революции в защитный красный цвет, оставалась глубоко враждебной новому режиму. В ставке шел открытый подбор контр-революционных элементов. Большевистские издания преследовались беспощадно. Наступление давно сменилось трагическим отступлением. Буржуазная печать бешено клеветала на армию, и если накануне наступления правящие партии отвечали нам, что мы ничтожная кучка, что армия не знает нас и не хочет знать, то теперь, когда авантюра наступления так трагически закончилась, те же лица и партии всю ответственность за неудачу возлагали на нас. Тюрьмы были пере-

Июльские дни 1917 г. в Петрограде.
Расстрел безоружной демонстрации на углу Садовой и Невского (у Публичной Библиотеки).

полнены революционными рабочими и солдатами. К расследованию дела 3—5-го июля были привлечены все старые судебные волки царизма. При этих условиях социалисты-революционеры и меньшевики осмеливались требовать от Ленина, Зиновьева и других товарищей, чтобы те добровольно отдали себя в руки «правосудия».

ПОСЛЕ ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ.

Замешательство в рабочих кварталах быстро прошло и сменилось революционным приливом в среде не только пролетариата, но и петроградского гарнизона. Соглашатели утрачивали всякое влияние, волна большевизма стала широко распространяться по всей стране из городских центров и через все препятствия проникла в ряды армии. Новая коалиционная власть с Керенским во главе уже открыто стала на путь репрессий. Министерство восстановило смертную казнь для солдат. Наши газеты закрывались, наши агитаторы арестовывались, но это лишь увеличивало наше влияние. Несмотря на все препятствия, какие чинились перевыборам Петроградского Совета, соотношение сил изменилось настолько, что по некоторым важным вопросам мы уже оказывались в большинстве. Точно также и в Московском Совете.

В это время я вместе со многими другими товарищами уже сидел в Крестах, арестованный

за агитацию и организацию вооруженного восстания 3—5-го июля по соглашению с германскими властями и в целях содействия военным задачам Гогенцоллерна. Небезызвестный судебный следователь царского режима Александров, который вел не мало дел против революционеров, теперь получил миссию охранять республику от контрреволюционных большевиков. При старом режиме население тюрем делилось на политических и уголовных, теперь установилась новая терминология: уголовные и большевики. Среди заключенных солдат царило горькое недоумение. Молодые парни, выходцы из деревни, не принимавшие раньше участия в политической жизни, считали, что революция раз и навсегда освободила их, и теперь с изумлением глядели на дверные замки и оконные решетки. На прогулке они каждый раз тревожно спрашивали меня, что это означает и чем это кончится. Я утешал их тем, что победа в конце концов останется за нами.

ВОССТАНИЕ КОРНИЛОВА.

В конце августа разыгралось восстание генерала Корнилова. Оно явилось непосредственным результатом мобилизации контр-революционных сил энергичным толчком, который дан был наступлением 18-го июня. На пресловутом Московском Совещании в средине августа Керенский пытался стать в центре между цензовыми элементами и мелкобуржуазной демократией. Боль-

шевики вообще считались стоящими за пределами «легальной» страны. Им Керенский грозил железом и кровью при бурных аплодисментах цензовой половины собрания и при предательском молчании мещанской демократии. Но истерические выкрики и угрозы Керенского не удовлетворяли главарей контр-революционного дела. Они слишком ясно наблюдали революционный прилив во всех частях страны в рабочем классе, в деревне и в армии, и считали необходимым безотлагательно применять самые крайние меры для того, чтобы проучить массы. По соглашению с цензовой буржуазией, которая видела в нем своего героя, Корнилов взял эту рискованную задачу на себя. Керенский, Савинков, Филоненко и др. правящие и полуправящие социалисты-революционеры были соучастниками его заговора, но все они на известной стадии развития событий предали Корнилова, поняв, что в случае его победы они окажутся за бортом. Мы переживали корниловские события в тюрьме и следили за ними по газетам: свободное получение газет было единственным крупным отличием тюрем Керенского от тюрем старого режима. Авантюра казачьего генерала сорвалась. Шесть месяцев революции создали в сознании масс и в их организованности достаточный оплот против открытого контр-революционного натиска. Соглашательские советские партии до последней степени испугались возможных последствий корниловского заговора, который грозил смести не только большевиков, но и всю революцию вместе с ее правящими партиями. Социалисты-революционеры и меньшевики приступили к легализации большевиков,—впрочем,

с оглядкой и только на половину, в предчувствии возможных опасностей в будущем. Те самые кронштадтские матросы, которых после июльских дней об'явили громилами и контр-революционерами, были в момент корниловской опасности вызваны в Петроград для охраны революции. Они явились без слов, без упреков, без напоминаний о прошлом и заняли самые ответственные посты. Я имел полное право напомнить Церетели те слова, которые я бросил ему в мае, когда он занимался травлей кронштадцев: «Когда контр-революционный генерал попытается накинуть на шею революции петлю, кадеты будут намыливать веревку, а кронштадские матросы явятся, чтобы бороться и умирать вместе с нами».

Советские организации обнаружили везде, в тылу, на фронте, свою жизнеспособность и силу в борьбе с корниловским мятежом. До сражения дело почти нигде не дошло. Революционная масса размыла генеральский заговор. Как соглашатели не нашли в июле против нас солдат в петроградском гарнизоне, так теперь Корнилов не нашел солдат против революции на всем фронте. Он действовал обманом, и слова пропаганды легко разрушали его замыслы.

По газетам я надеялся на большую быстроту дальнейших событий в смысле перехода власти в руки Советов. Рост влияния и силы большевиков был несомненен и получил неудержимый размах. Большевики предупреждали против коалиции, против наступления 18-го июня, они предсказывали корниловщину. Народные массы на опыте убеждались в том, что мы были правы. В наиболее тревожные моменты корниловского заго-

вора, когда Кавказская дивизия приближалась к Петрограду, Петроградский Совет при вынужденном попустительстве властей вооружил рабочих. Полки, которые были приведены против нас, давно успели переродиться в горячей атмосфере Петрограда и теперь были целиком за нас. Корниловский мятеж должен был окончательно открыть глаза армии на недопустимость дальнейшей политики соглашения с буржуазной контр-революцией. Можно было поэтому ожидать, что подавление корниловского мятежа явится только вступлением к непосредственному натиску руководимых нашей партией революционных сил для овладения властью. Но события развивались более медленно. При всей напряженности революционного настроения, массы стали после сурового урока июльских дней более осторожны и отказались от всяких самочинных выступлений, ожидая прямого призыва и руководства сверху. Но и на верхах нашей партии преобладало выжидательное настроение. В этих условиях ликвидация корниловской авантюры, несмотря на глубокое изменение сил в нашу пользу, не привела к непосредственным политическим переменам.

БОРЬБА ВНУТРИ СОВЕТОВ.

В Петроградском Совете господство нашей партии закрепилось тем временем окончательно. Это проявилось в драматической форме на вопросе о составе президиума. В ту эпоху, когда социалисты-революционеры и меньшевики господствовали в Советах, они всеми средствами изо-

«лировали большевиков. Так, в состав петроградского президиума они не допустили ни одного большевика даже в тот период, когда наша партия представляла собой, по меньшей мере, одну треть всего Совета. После того, как Петроградский Совет непрочным большинством вынес резолюцию о переходе всей власти в руки Советов, наша фракция пред'явила требование об образовании коалиционного президиума на пропорциональных основах. Старый президиум, в состав которого входили Чхеидзе, Церетели, Керенский, Скобелев, Чернов, наотрез отказал в этом. Об этом не мешает напомнить сейчас, когда представители разбитых революцией партий говорят о необходимости единого фронта демократии и обвиняют нас в исключительности. Было созвано специальное собрание Петроградского Совета, которое и должно было разрешить вопрос о судьбе президиума. Все силы, все резервы были мобилизованы с обеих сторон. Церетели выступил с программной речью, в которой доказывал, что вопрос о президиуме есть вопрос о направлении. Мы считали, что соберем несколько меньше половины голосов и готовы были видеть в этом успех. На самом деле за нас при поименном голосовании высказалось большинство в сто слишком голосов. «Мы в течение шести месяцев,—говорил Церетели,—стояли во главе Петроградского Совета и вели его от победы к победе; мы желаем вам, чтобы вы хоть половину этого времени продержались на тех постах, которые вы теперь готовитесь занять». В Московском Совете произошла такая же смена руководящих партий. Провинциальные Советы один за другим переходили на позицию

большевиков. Близился срок созыва Второго Всероссийского С'езда Советов. Но руководящая группа Центрального Исполнительного Комитета всеми силами стремилась отодвинуть С'езд в неопределенное будущее, чтобы таким путем сорвать его. Было очевидно, что новый С'езд Советов даст большинство нашей партии, обновит соответственным образом состав Центрального Исполнительного Комитета и лишит соглашателей их важнейшей позиции. Борьба за созыв Всероссийского С'езда Советов получила для нас крупнейшее значение.

В противовес этому меньшевики и социалисты-революционеры выдвинули идею Демократического Совещания. Это предприятие им нужно было как против нас, так и против Керенского.

Глава министерства занял к этому времени совершенно независимую и безответственную позицию. Его поднял к власти Петроградский Совет в первую эпоху революции. Керенский вступил в министерство без предварительного рещения Совета, но вступление это затем было одобрено. После первого С'езда Советов министры-социалисты считались ответственными перед Центральным Исполнительным Комитетом. Их союзники—кадеты—отвечали только перед своей партией. После июльских дней Центральный Исполнительный Комитет, идя навстречу буржуазии, освободил министров-социалистов от советской ответственности—якобы во имя создания революционной диктатуры. Об этом тоже не бесполезно вспомнить теперь, когда те самые лица, которые строили диктатуру кружка, выступают с обвинениями и проклятиями против диктатуры

класса. Московское Совещание, на котором искусно подтасованные цензовые и демократические элементы уравновешивали друг друга, имело своей задачей утвердить власть Керенского над классами и над партиями. Эта цель была достигнута только по видимости. В сущности, Московское Совещание обнаружило полное бессилие Керенского, ибо он был почти одинаково чужд и цензовым элементам и мещанской демократии. Но так как либералы и консерваторы аплодировали его выпадам против демократии, а соглашатели устраивали ему овацию, когда он осторожно порицал контр-революционеров, то у него создавалось впечатление, будто он опирается на тех и других и потому располагает неограниченной властью. Рабочим и революционным солдатам он грозил кровью и железом. Его политика пошла дальше по пути закулисных сделок с Корниловым, которые скомпрометировали его даже в глазах соглашателей. Церетели в характерных для него уклончиво-дипломатических выражениях заговорил о «личных» моментах в политике и о необходимости эти личные моменты ограничить. Эту задачу должно было выполнить Демократическое Совещание, которое созывали по произвольным нормам из представителей Советов, дум, земств, профессиональных союзов и кооперативов. Главная задача состояла, однако, в том, чтобы обеспечить достаточно консервативный состав Совещания, растворить раз навсегда Советы в бесформенной массе демократии и на этой новой организационной основе утвердиться против большевистского прилива.

Здесь не лишне будет в нескольких словах отметить разницу политической роли Советов и

демократических органов самоуправления. Филистеры не раз указывали нам, что новые думы и земства, избранные на основе всеобщего голосования, несравненно демократичнее Советов и имеют больше прав на представительство населения, однако, этот формальный демократический критерий лишен серьезного содержания в революционную эпоху. Революция знаменательна тем, что сознание масс изменяется быстро, новые и новые слои населения накопляют опыт, проверяют свои вчерашние взгляды, отмечают их, вырабатывают новые, отказываясь от старых вождей, следуют за новыми, идут вперед... Формально-демократические организации, опирающиеся на тяжеловесный аппарат всеобщего избирательного права, неизбежно отстают в революционную эпоху от развития политического сознания масс. Совсем иное дело—Советы. Они непосредственно опираются на органические группировки, как мастерская, завод, фабрика, волость, полк и пр. Здесь, разумеется, нет тех юридических гарантий точности выборов, как при создании демократических дум или земств. Но имеются несравненно более серьезные, более глубокие гарантии прямой и непосредственной связи депутата с избирателями. Гласный городской думы или земства опирается на распыленную массу избирателей, которая доверяет ему свои полномочия на год и распадается. Советские избиратели остаются всегда связаны условиями своего труда и существования, депутат всегда у них на глазах, они в любой момент могут выработать для него наказ, осудить его, сместить, заменить другим лицом. Если общая политическая эволюция выража-

лась за предшествующие революционные месяцы в том, что влияние соглашательских партий сменялось решающим влиянием большевиков, то вполне понятно, что этот процесс ярче и полнее всего отражается в Советах, тогда как думы и земства, несмотря на весь свой формальный демократизм, выражали не сегодняшнее, а вчерашнее состояние народных масс. Этим именно об'ясняется тяготение к думам и земствам тех партий, которые все больше теряли почву под ногами в среде революционного класса. С этим самым вопросом—только в более широком масштабе—мы встретимся позже, когда подойдем к Учредительному Собранию.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ.

Демократическое Совещание, созванное Церетели и его сторонниками в середине сентября, имело совершенно искусственный характер, представляя комбинацию из Советов и органов самоуправления в такой пропорции, чтобы обеспечить перевес соглашательских партий. Рожденное беспомощностью и растерянностью, Совещание закончилось жалким фиаско. Цензовая буржуазия относилась к Совещанию с величайшей враждебностью, усматривая в нем попытку отодвинуть ее от тех позиций, к которым она приблизилась на Московском Совещании. Революционный пролетариат и связанные с ним массы крестьян и

солдат заранее осуждали фальсификаторский метод созыва Демократического Совещания. Прямой задачей соглашателей было создать «ответственное» министерство. Но и это не было достигнуто. Керенский не хотел и не допускал ответственности, потому что этого не допускала стоявшая за его спиной буржуазия. Безответственность по отношению к органам так называемой демократии означала фактическую ответственность перед кадетами и союзными посольствами. Пока что, для буржуазии этого было достаточно. По вопросу о коалиции Демократическое Совещание обнаружило всю свою несостоятельность: за коалицию с буржуазией голосовало немногим более, чем против коалиции; большинство голосовало против коалиции с кадетами. Но за вычетом кадетов не оказывалось в среде буржуазии серьезных контр-агентов для коалиций. Церетели обстоятельно раз'яснял это Совещанию. Раз Совещание не поняло, тем хуже для него. Переговоры бесцеремонно велись за спиной Совещания с отвергнутыми им кадетами, при чем решено было, что кадеты будут фигурировать не в качестве кадетов, а в качестве... общественных деятелей. Теснимая и справа и слева, мещанская демократия сносила все это издевательство над собою и тем демонстрировала свою полную политическую пострацию. Из Демократического Совещания был выделен Совет, который решено было пополнить представительством цензовых элементов, и этот предпарламент должен был заполнять собою пустое место, остававшееся до созыва Учредительного Собрания. Новое коалиционное министерство, в противоречии с перво-

начальным планом Церетели, но в полном согласии с планами буржуазии, сохраняло свою формальную независимость по отношению к предпарламенту. Все вместе производило впечатление жалкого и бессильного канцелярского творчества, за которым скрывалась полная капитуляция мелкобуржуазной демократии перед цензовым либерализмом, который за месяц перед тем открыто поддерживал натиск Корнилова на революцию. Все свелось таким образом к восстановлению и увековечению коалиции с либеральной буржуазией. Не могло больше быть сомнения в том, что, совершенно независимо от состава будущего Учредительного Собрания, правительственная власть фактически будет в руках буржуазии, ибо соглашательские партии, несмотря на весь тот перевес, который давали им народные массы, неизменно приходили к коалиции с кадетами, не считая возможным создавать государственную власть без буржуазии. Народные массы относились к партии Милюкова с глубочайшей враждой. Во всех выборах за эпоху революции кадеты нещадно проваливались, и тем не менее те самые партии—с.-рев. и меньшевики,—которые победоносно разбивали кадетскую партию на выборах, после выборов отводили ей в коалиционном правительстве красный угол. Естественно, если массы все более усматривали, что соглашательские партии играют в сущности роль приказчиков либеральной буржуазии.

ЗАТРУДНЕНИЯ В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ.

Внутреннее положение тем временем осложнялось и ухудшалось. Война тянулась без цели, без смысла и без перспектив. Правительство не делало никаких шагов, чтобы вырваться из порочного круга. Был выдвинут смехотворный план посылки меньшевика Скобелева в Париж для воздействия на союзных империалистов. Но этому плану ни один здравомыслящий человек не придавал серьезного значения. Корнилов сдал немцам Ригу, чтобы терроризовать общественное сознание и в этой атмосфере утвердить палочную дисциплину в армии. Опасность грозила Петрограду. И буржуазные элементы встречали эту опасность с явным злорадством. Бывший председатель Думы Родзянко открыто говорил о том, что сдача немцам развращенного Петрограда не составит большой беды. Он ссылался на пример Риги, где после вступления немцев были упразднены Советы депутатов и вместе с старыми городовыми водворился твердый порядок. Погибнет Балтийский флот? Но флот развращен революционной пропагандой: потеря, стало-быть, не столь велика. В этом цинизме болтливого барина выразились затаенные мысли широких кругов буржуазии. Сдача Петрограда немцам, ведь, не означает еще потери его. По мирному договору Петроград вернется, но вернется помятый немецким милитаризмом. Революция тем временем останется обезглавленной, с ней легче будет справиться. Правительство Керенского не думало о серьезной обороне столицы. Наоборот, обществен-

ное мнение подготовлялось к ее возможной сдаче. Из Петрограда в Москву и другие города эвакуировались правительственные учреждения.

В этой обстановке собралась солдатская секция Петроградского Совета. Настроение было напряженным и тревожным. Правительство неспособно защитить Петроград? В таком случае пускай заключает мир. А если неспособно заключить мир, пускай убирается прочь. В таком постановлении выразилось настроение солдатской секции. Это была уже зарница октябрьской революции.

На фронте положение ухудшалось с каждым днем. Надвигалась холодная осень с дождями и грязью. Впереди вырисовывалась четвертая зимняя кампания. Продовольствие создавало все большие затруднения. В тылу забыли о фронте: ни смены, ни пополнений, ни необходимой теплой одежды. Дезертирство возрастало. Старые армейские комитеты, выбранные еще в первый период революции, оставались на своих местах и поддерживали политику Керенского. Перевыборы были запрещены. Между комитетами и солдатскими массами образовалась пропасть. В конце концов солдаты стали относиться к комитетам с ненавистью. Из окопов все чаще и чаще приходили в Петроград делегаты и на заседаниях Петроградского Совета ставили в упор вопросы: Что дальше делать? Кто и как кончит войну? Почему молчит Петроградский Совет?

НЕИЗБЕЖНОСТЬ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ.

Петроградский Совет не молчал. Он требовал немедленного перехода всей власти в руки Советов в центре и на местах, немедленного перехода земель в руки крестьян, контроля рабочих над производством и немедленного открытия мирных переговоров. Пока мы оставались партией оппозиции, лозунг—вся власть Советам—был лозунгом пропаганды. Но с того времени, как мы оказались во всех главнейших Советах в большинстве, этот лозунг возлагал на нас обязательство прямой и непосредственной борьбы за власть.

В деревне положение запуталось и усложнилось до последней степени. Революция обещала крестьянину землю, но в то же время руководящие партии требовали, чтобы крестьянин не прикасался к этой земле до Учредительного Собрания. Крестьянин сперва терпеливо ждал, а когда начал терять терпение, коалиционное министерство обрушило на него репрессии. Учредительное Собрание тем временем отодвигалось вдаль. Буржуазия настаивала на том, чтобы Учредительное Собрание созвать после заключения мира. Крестьянские массы все больше и больше теряли терпение. То, что мы предсказывали в самом начале революции, начало осуществляться: крестьянин приступил к захвату земли собственными средствами. Репрессии усилились, пошли аресты революционных земельных комитетов. В некоторых уездах Керенский ввел военное положение. Из деревень потекли ходоки в Петроградский Совет.

Они жаловались на то, что их арестовывают, когда они приступают к выполнению программы Петроградского Совета и забирают помещичью землю в руки крестьянских комитетов. Крестьяне требовали у нас защиты. Мы отвечали им, что защитить их мы могли бы только в том случае, если бы власть была у нас в руках. Отсюда, однако, следовал тот вывод, что Советы, если они не желают превратиться в говорильни, должны брать в свои руки власть.

— Бессмысленно бороться за власть Советов за полтора—два месяца до Учредительного Собрания!—так говорили нам наши соседи справа. Мы, однако, ни в малой мере не были заражены этим фетишизмом Учредительного Собрания. Прежде всего не было никаких гарантий того, что оно действительно будет созвано. Распад армии, массовое дезертирство, продовольственная разруха, аграрная революция—все это создавало такую обстановку, которая мало благоприятствовала выборам в Учредительное Собрание. Сдача Петрограда немцам вообще грозила снять с очереди вопрос о выборах. А затем, если бы даже Учредительное Собрание и было созвано под руководством старых партий, по старым спискам, оно явилось бы только прикрытием и освящением коалиционной власти. Ни соц.-рев., ни меньшевики не были способны взять в свои руки власть без буржуазии. Только революционный класс призван был разбить порочный круг, в котором вращалась и разлагалась революция. Власть нужно было вырвать из рук тех элементов, которые, прямо или косвенно, служили буржуазии и пользова-

лись государственным аппаратом, как орудием обструкции против революционных требований народа.

БОРЬБА ЗА С'ЕЗД СОВЕТОВ.

— Власть Советам!—требовала наша партия. В предшествовавшую эпоху это, в переводе на партийный язык, означало — власть соц.-рев. и меньшевикам, в противовес коалиции с либеральной буржуазией.

Теперь, в октябре 1917 года, тот же лозунг означал передачу всей власти революционному пролетариату, во главе которого стояла в этот период партия большевиков. Дело шло о диктатуре рабочего класса, который вел за собою или, вернее, способен был повести за собою многомиллионные массы беднейшего крестьянства. В этом состоял исторический смысл октябрьского восстания.

Все вело партию на этот путь. Мы проповедывали с первых дней революции необходимость и неизбежность перехода власти Советам. Большинство Советов, после большой внутренней борьбы, усвоило это требование, встав на нашу точку зрения. Мы подготовляли второй Всероссийский С'езд Советов, на котором ожидали полной победы нашей партии. Центральный Исполнительный Комитет под руководством Дана (осторожный Чхеидзе заблаговременно уехал на Кавказ) всячески противодействовал созыву С'езда Сове-

тов. После больших усилий, опираясь на советскую фракцию Демократического Совещания, мы, наконец, добились назначения срока с'езда: 25-го октября. Это число вошло затем величайшей датой в историю России. Предварительно мы созвали в Петрограде С'езд Советов Северной области с привлечением Балтийского флота и Москвы. На этом с'езде мы имели твердое большинство, заручились некоторым полуприкрытием справа в лице фракции левых социалистов-революционеров и заложили серьезные организационные предпосылки октябрьского восстания.

КОНФЛИКТ ПО ПОВОДУ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА.

Но еще раньше, до С'езда северных Советов, произошло событие, которому суждено было сыграть крупнейшую роль в дальнейшей политической борьбе. В начале октября на заседание Петроградского Исполнительного Комитета явился представитель Совета при штабе петроградского военного округа и сообщил, что из ставки требуют вывода на фронт двух третей петроградского гарнизона. Для чего? Для обороны Петрограда. Выводить будут не сейчас, но необходимо немедленно же подготовиться. Петроградскому Совету предлагалось штабом одобрить этот план. Мы насторожились. В конце августа также были выведены из Петрограда полностью

или частями 5 революционных полков. Это было сделано по требованию тогдашнего верховного главнокомандующего Корнилова, который как раз в те дни готовился бросить на Петроград Кавказскую дивизию с намерением раз навсегда справиться с революционной столицей. Таким образом мы уже имели опыт чисто политических перемещений полков под предлогом оперативных задач. Забегая вперед, скажу, что из обнаруженных после октябрьской революции бумаг выяснилось с полной несомненностью, что предполагавшийся вывод петроградского гарнизона действительно не имел ничего общего с военными целями и был навязан главнокомандующему Духонину против его воли не кем иным, как Керенским, который стремился очистить столицу от наиболее революционных, т.-е. наиболее враждебных ему, солдат. Но тогда, в начале октября, наши подозрения вызвали справа бурю патриотического негодования. Из штаба нас торопили: Керенскому не терпелось, почва слишком нагрелась под его ногами. Мы же медлили с ответом. Петрограду, несомненно, угрожала опасность, и вопрос об обороне столицы стоял перед нами во всем своем грозном значении. Но после опыта корниловщины, после слов Родзянко о спасительности немецкой оккупации,—откуда было взять доверчивости, что Петроград не будет злонамеренно сдан немцам в наказание за свой мятежный дух. Исполнительный Комитет отказался поставить вслепую свой штемпель под приказом о выводе двух третей гарнизона. Необходимо проверить, заявили мы, действительно ли за этим приказом стоят военные соображения, и необхо-

димо создать орган такой проверки. Так родилась мысль о создании на ряду с солдатской секцией Совета, т.-е. политическим представительством гарнизона, чисто оперативного органа в виде Военно-Революционного Комитета, который получил впоследствии могущественную силу и стал фактическим орудием октябрьского переворота. Несомненно, уже в те часы, когда мы выдвинули идею создания органа, в руках которого сосредоточивались бы нити чисто военного руководства петроградским гарнизоном, мы отдавали себе ясный отчет в том, что именно этот орган может стать незаменимым революционным орудием. В то время мы уже открыто шли навстречу восстанию и организационно готовились к нему.

На 25-е октября был назначен, как сказано, Всероссийский С'езд Советов. Не могло уже быть сомнения, что С'езд выскажется за переход власти в руки Советов. Но такое решение должно быть немедленно же проведено в жизнь, иначе оно превратится в недостойную платоническую демонстрацию. По логике вещей выходило, что мы назначили восстание на 25-е октября. Так именно понимала дело вся буржуазная печать. Но судьба С'езда зависела в первую очередь от петроградского гарнизона,—позволит ли он Керенскому окружить С'езд Советов и разогнать его при помощи нескольких сот или тысяч юнкеров, прапорщиков и ударников? Самое покушение на вывод гарнизона не означало ли, что правительство готовится к разгону С'езда Советов? И было бы странно, если бы оно не готовилось, видя, как мы открыто, перед лицом всей страны,

мобилизуем советские силы для того, чтобы нанесть коалиционной власти смертельный удар.

Таким образом конфликт в Петрограде развертывался на вопросе о судьбе гарнизона. В первую голову вопрос этот захватил за живое всех солдат. Но и рабочие относились к конфликту с живейшим интересом, так как боялись, что с выводом гарнизона они будут задушены юнкерами и казаками. Конфликт приобретал, таким образом, в высшей степени острый характер и развертывался на почве, крайне неблагоприятной для правительства Керенского.

Параллельно шла охарактеризованная уже выше борьба за созыв Всероссийского С'езда Советов, при чем от имени Петроградского Совета и Северного Областного С'езда мы открыто провозглашали, что Второй С'езд Советов должен отстранить правительство Керенского и стать подлинным хозяином русской земли. Восстание фактически было уже налицо. Оно развертывалось совершенно открыто на глазах всей страны.

В течение октября вопрос о восстании играл большую роль во внутренней жизни нашей партии. Ленин, который скрывался в Финляндии, в многочисленных письмах настаивал на более решительной тактике. На низах шло брожение и накоплялось недовольство по поводу того, что партия большевиков, оказавшаяся в большинстве в Петроградском Совете, не делала практических выводов из собственных лозунгов. 10-го октября произошло конспиративное заседание Центрального Комитета нашей партии с участием Ленина. В порядке дня стоял вопрос о восстании. Большинством всех против двух голосов решено

было, что единственным средством спасти революцию и страну от окончательного распада является вооруженное восстание, которое должно передать власть в руки Советов.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОВЕТ И ПРЕДПАРЛАМЕНТ.

Демократический Совет, выделившийся из Демократического Совещания, впитал в себя всю беспомощность последнего. Старые советские партии, социалисты-революционеры и меньшевики создали для себя в этом Совете искусственное большинство, но только для того, чтобы тем ярче обнаружить свою политическую прострацию. Церетели вел за кулисами Совета путанные переговоры с Керенским и с представителями «цензовых элементов», как начали выражаться в Совете,—для того, чтобы не употреблять «обидного» имени буржуазии. Доклад Церетели о ходе и исходе переговоров был чем-то в роде надгробного слова целому периоду революции. Оказалось, что ни Керенский, ни цензовые элементы не согласились на ответственность перед новым полупредставительным учреждением. С другой стороны, вне пределов кадетской партии не удалось найти так называемых «деловых» общественных деятелей. Пришлось организаторам предприятия капитулировать по обоим пунктам. Капитуляция вышла тем более красноречивой, что Демократическое Совещание созывалось, ведь, именно для того, чтобы устранить безответ-

ственный режим, при чем Совещание формальным голосованием отвергло коалицию с кадетами. На нескольких заседаниях Демократического Совета, которые состоялись до переворота, царила атмосфера напряженности и полной недееспособности. Совет отражал не движение революции вперед, а разложение партий, отставших от революции.

Еще во время Демократического Совещания был поставлен в нашей партийной фракции вопрос о демонстративном уходе с Совещания и о бойкоте Демократического Совета. Нужно было действием показать массам, что соглашатели завели революцию в тупик. Борьба за создание советской власти могла вестись только революционным путем. Нужно было вырвать власть из рук тех, которые оказались неспособными на добро и, чем дальше, тем больше теряли способность даже на активное зло. Необходимо было наш политический путь—через мобилизацию сил вокруг Советов, через Всероссийский С'езд Советов, через восстание—противопоставить их пути—через искусственно подобранный предпарламент и гадательное Учредительное Собрание. Это можно было сделать только путем открытого разрыва, на глазах всего народа, с учреждением, созданным Церетели и его единомышленниками, и путем сосредоточения всего внимания и всех сил рабочего класса на советских учреждениях. Вот почему я предлагал демонстративный уход с Совещания и революционную агитацию на заводах и в полках против попытки подтасовать волю революции и снова ввести ее развитие в русло сотрудничества с буржуазией. В том же смысле

высказался и Ленин, письмо которого мы получили несколько дней спустя. Но на партийных верхах еще наблюдались колебания в этом вопросе. Июльские дни оставили глубокий след в сознании партии. Рабочая и солдатская масса оправилась от июльского разгрома гораздо скорее, чем многие из руководящих товарищей, которые опасались срыва революции новым преждевременным натиском масс. Во фракции Демократического Совещания я собрал за свое предложение 50 голосов, против 70, которые высказались за участие в Демократическом Совете. Опыт этого участия скоро, однако, укрепил левое крыло партии. Становилось слишком очевидным, что путем близких к плутням комбинаций, которые имели своей задачей обеспечить дальнейшее руководство революцией за цензовыми элементами, при посредстве потерявших в народных низах почву соглашателей, нет выхода из того тупика, в который загнала революцию дряблость мещанской демократии. К тому моменту, когда Демократический Совет, пополненный цензовыми элементами, превратился в предпарламент, в нашей партии уже назрела готовность порвать с этим учреждением.

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И МЕНЬШЕВИКИ.

Перед нами стоял вопрос, последуют ли за нами на этом пути левые социалисты-революционеры. Эта группа находилась в процессе образования, при чем процесс этот развивался, на наш партийный масштаб, слишком медленно и

нерешительно. В начале революции партия соц.-рев. оказалась господствующей на всем поле политической жизни. Крестьяне, солдаты, даже рабочие в массе своей голосовали за социалистов-революционеров. Сама партия не ожидала ничего подобного, и не раз казалось, что ей грозит опасность захлебнуться в волнах собственного успеха. За вычетом чисто капиталистических и помещичьих групп и цензовых элементов, все и вся голосовали за партию революционных народников. Это отвечало начальной стадии революции, когда классовые грани не успели обнаружиться, когда стремления так называемого единого революционного фронта находили свое выражение в расплывчатой программе партии, которая готова была дать одинаково приют и рабочему, боявшемуся оторваться от крестьянина, и крестьянину, искавшему землю и волю, и интеллигенту, который стремился руководить обоими, и чиновнику, который пытался приспособиться к новому строю.

Когда Керенский, который в эпоху царизма числился трудовиком, перешел после победы революции в партию социалистов-революционеров, популярность ее стала возрастать, по мере того как сам Керенский восходил по ступеням власти. Из почтительности, не всегда платонической, к военному министру многие полковники и генералы спешили записываться в партию недавних террористов. Старые соц.-рев. революционного закала, уже тогда с некоторым беспокойством взирали на все увеличивающееся число «мартовских» социалистов-революционеров, т. е. таких членов партии, которые открыли в себе револю-

ционную народническую душу лишь в марте—после того как революция низвергла старый режим и поставила революционных народников во главе власти. Таким образом эта партия в рамках своей бесформенности включала не только внутренние противоречия развивавшейся революции, но и предрассудки отсталости крестьянских масс, сентиментализм, неустойчивость и карьеризм интеллигентских слоев. Было совершенно ясно, что партия в таком виде долго продержаться не может. В идейном смысле она оказалась беспомощной с самого начала.

Политически руководящая роль принадлежала меньшевикам, которые прошли чрез школу марксизма и извлекли из нее некоторые приемы и навыки, помогавшие им ориентироваться в политической ситуации настолько, чтобы «научно» фальсифицировать смысл совершающейся классовой борьбы и в наивысшей, при данных условиях, степени обеспечивать гегемонию либеральной буржуазии. Поэтому-то меньшевики, прямые адвокаты прав буржуазии на власть, израсходовали себя так быстро и ко времени октябрьского переворота почти окончательно сошли на-нет.

Соц.-рев. также все больше и больше утрачивали влияние—сперва среди рабочих, затем в армии, под конец и в деревне. Но они оставались ко времени октябрьского переворота численно еще очень могущественной партией. Однако, классовые противоречия подтачивали их извнутри. В противовес правому крылу, которое в лице своих наиболее шовинистических элементов, как Авксентьев, Брешко-Брешковская, Савинков и др. окончательно перешло в лагерь контр-революции,

складывалось левое крыло, которое стремилось сохранить связь с трудящимися массами. Если учесть тот факт, что социалист-революционер Авксентьев в качестве министра внутренних дел арестовывал за самовольное разрешение аграрного вопроса крестьянские земельные комитеты состоявшие из социалистов-революционеров, то амплитуда «разногласий» внутри этой партии станет для нас достаточно ясной.

В центре стоял традиционный вождь партии Чернов. Опытный писатель, начитанный в социалистической литературе, набивший руку во фракционной борьбе, он неизменно оставался во главе партии в ту эпоху, когда партийная жизнь концентрировалась в эмигрантских заграничных кружках. Революция, которая первой своей неразборчивой волной подняла партию соц.-революционеров на огромную высоту, автоматически подняла и Чернова, но только для того, чтобы обнаружить полную его беспомощность даже в ряду руководящих политических деятелей первого периода. Те маленькие средства, которые обеспечивали Чернову перевес в заграничных народнических кружках, оказались слишком легковесными на весах революции. Он сосредоточился на том, чтобы не принимать никаких ответственных решений, уклоняться во всех критических случаях, выжидать и воздерживаться. Такого рода тактика обеспечивала за ним до поры до времени положение центра между все дальше расходившимися флангами. Но сохранить надолго единство партии не было уже никакой возможности. Савинков, бывший террорист, участвовал в заговоре Корнилова, находился в трогательном единении с

контр-революционными кругами казачьего офицерства и подготовлял разгром петроградских рабочих и солдат, в среде которых было не мало левых соц.-революционеров. В качестве жертвы левому крылу, центр исключил из партии Савинкова, но на Керенского не решался поднять руку. В предпарламенте партия обнаружила величайший разброд: три группировки выступали самостоятельно, хотя и под знаменем одной и той же партии; при этом ни одна из группировок не знала точно, чего хочет. Формальное господство этой «партии» в Учредительном Собрании означало бы только продолжение политической прострации.

ВЫХОД ИЗ ПРЕДПАРЛАМЕНТА. ГОЛОС ФРОНТА.

Прежде чем выйти из состава предпарламента, где на нашу долю по политической статистике Керенского и Церетели причиталось около полусотни мест, мы устроили совещание с группой левых соц.-революционеров. Они отказались следовать за нами, ссылаясь на то, что им еще необходимо на практике обнаружить перед крестьянством несостоятельность предпарламента. «Мы считаем нужным предупредить вас,—сказал один из руководителей левых соц.-рев.,—если вы хотите выйти из предпарламента, чтобы сейчас же выступить на улицу для открытой борьбы, мы за вами не пойдем». Буржуазно-соглашательская печать обвинила нас в том, что мы стремимся сорвать предпарламент именно для того,

чтобы создать революционную ситуацию. На собрании нашей фракции в предпарламенте было решено не дожидаться левых соц.-рев., а действовать самостоятельно. Оглашенная с трибуны предпарламента декларация нашей партии, об'яснявшая, почему мы порываем с этим учреждением, встречена была воем ненависти, бессилия со стороны группировок большинства. В Петроградском Совете депутатов, где наш выход из предпарламента был одобрен подавляющим большинством, лидер маленькой группки меньшевиков «интернационалистов» Мартов раз'яснял нам, что выход из Временного Совета Республики (таково было оффициальное название этого малопочтенного учреждения) имел бы смысл в том только случае, если бы мы предполагали перейти немедленно в открытое наступление. Но дело в том, что мы это-то именно и предполагали. Прокуроры либеральной буржуазии были правы, когда обвиняли нас в том, что мы стремимся создать революционную ситуацию. В открытом восстании и прямом захвате власти мы видели единственный выход из положения.

Опять, как в июльские дни, печать и все другие органы так называемого общественного мнения были мобилизованы против нас. Из июльских арсеналов было извлечено наиболее отравленное оружие, которое было временно сдано туда после корниловских дней. Тщетные усилия! Масса приливала к нам неотразимо, и настроение ее повышалось с часу на час. Из окопов приходили делегаты. «До каких же пор,—говорили они на заседаниях Петроградского Совета,—будет тянуться это невыносимое положение? Солдаты приказали

нам заявить вам: если до первого ноября не будет сделано решительных шагов к миру, окопы опустеют, вся армия бросится в тыл». Такое решение действительно широко распространялось на фронте. Солдаты передавали там из одной части в другую самодельные прокламации, в которых призывали не оставаться в окопах дольше, как до первого снега. «Вы забыли о нас!—восклицали окопные ходоки на заседаниях Совета.—Если вы не находите выхода из положения, мы сюда придем сами и штыками разгоним наших врагов, но и вас вместе с ними». Петроградский Совет в течение нескольких недель стал центром притяжения для всей армии. Его резолюции, после смены в нем руководящего направления и переизбрания президиума, внушали истощенным и отчаявшимся войскам на фронте надежду на то, что выход из положения может быть практически найден на пути, предлагавшемся большевиками: опубликование тайных договоров и предложение немедленного перемирия на всех фронтах. «Вы говорите, что власть должна перейти в руки Советов,—берите же ее в ваши руки. Вы опасаетесь, что фронт не поддержит вас. Отбросьте всякие сомнения, солдатская масса в подавляющем большинстве за вас».

Тем временем конфликт по вопросу о выводе гарнизона развертывался далее. Почти ежедневно собиралось гарнизонное совещание из ротных, полковых и командных комитетов. Влияние нашей партии в гарнизоне утвердилось окончательно и безраздельно. Штаб Петроградского округа находился в состоянии крайней растерянности. Он то пытался вступить с нами в правильные от-

ношения, то, подбиваемый руководителями Центрального Исполнительного Комитета, угрожал нам репрессиями.

КОМИССАРЫ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА.

Выше уже было сказано об организации при Петроградском Совете Военно-Революционного Комитета, который по замыслу должен был являться фактически Советским штабом петроградского гарнизона в противовес штабу Керенского.—Но существование двух штабов недопустимо,—доктринерски поучали нас представители соглашательских партий. «Допустимо ли, однако, такое положение, при котором гарнизон не доверяет оффициальному штабу и опасается, что вывод солдат из Петрограда продиктован новым контр - революционным замыслом? — возражали мы.—Создание второго штаба означает восстание,—отвечали нам справа.—Ваш Военно-Революционный Комитет будет иметь своей задачей не столько проверку оперативных намерений и распоряжений военных властей, сколько подготовку и проведение восстания против нынешнего правительства. Это возражение было справедливо. Но именно поэтому оно никого не пугало. Необходимость ниспровержения коалиционной власти сознавалась подавляющим большинством Совета. Чем обстоятельнее меньшевики и социалисты-революционеры доказывали, что Военно-Револю-

ционный Комитет неизбежно превратится в орган восстания, тем с большей готовностью Петроградский Совет поддерживал новый боевой орган.

Первым делом Военно-Революционного Комитета было назначение комиссаров во все части петроградского гарнизона и во все важнейшие учреждения столицы и окрестностей. Мы получали с разных сторон сообщения о том, что правительство, или, вернее, правительственные партии деятельно организуют и вооружают свои силы. Из разных складов оружия, государственных и частных, извлекались винтовки, револьверы, пулеметы, патроны для вооружения юнкеров, студентов и вообще буржуазной молодежи. Необходимо было принять немедленные предупредительные меры. Во все склады и магазины оружия были назначены комиссары. Они почти без сопротивления овладели положением. Правда, коменданты и владельцы складов пытались не признавать их, но достаточно было обратиться к комитету солдат или служащих каждого учреждения, чтобы сопротивление оказывалось немедленно сломленным. Оружие выдавалось далее по ордерам наших комиссаров.

Полки петроградского гарнизона имели и раньше своих комиссаров, но эти последние назначались Центральным Исполнительным Комитетом. Мы уже говорили выше, что после июньского С'езда Советов и особенно после демонстрации 18-го июня, обнаружившей все возрастающую силу большевиков, соглашательские партии почти совершенно устранили Петроградский Совет от практического влияния на ход событий в революю-

ционной столице. Руководство петроградским гарнизоном сосредоточивалось в руках Центрального Исполнительного Комитета. Теперь задача состояла в том, чтобы всюду провести комиссаров Петроградского Совета. Это было достигнуто при самом энергичном содействии солдатских масс. Полк за полком заявлял в заключение митингов, где выступали ораторы разных партий, что будет признавать только комиссаров Петроградского Совета и без его решения не сделает шагу.

В назначении этих комиссаров крупную роль играла военная организация большевиков. До июльских дней она развернула широкую агитационную работу. 5-го июля батальон самокатчиков, введенный Керенским в Петроград, разгромил особняк Кшесинской, где помещалась военная организация нашей партии. Большинство руководителей ее и многие рядовые члены были арестованы, издания закрыты, типография разгромлена. Только постепенно организация снова стала налаживать свой аппарат, на этот раз конспиративно. Она включала в свой состав в численном отношении лишь очень незначительную часть петроградского гарнизона,—всего несколько сот человек. Но в их среде было много решительных и беззаветно преданных революции солдат и молодых офицеров, преимущественно прапорщиков, прошедших в июле и августе чрез тюрьмы Керенского. Все они поставили себя в распоряжение Военно-Революционного Комитета и назначались на самые ответственные и боевые посты.

Не лишним, однако, будет отметить, что именно члены военной организации нашей партии

с чрезвычайной осторожностью и даже с некоторым скептицизмом относились в октябре к идее немедленного восстания. Замкнутый характер организации и ее оффициально военный состав невольно склоняли руководителей ее к переоценке чисто технических и организационных средств восстания,—а под этим углом зрения мы были, несомненно, слабы. Наша сила была в революционном под'еме массы и в ее готовности бороться под нашим знаменем.

НАРОСТАНИЕ ПРИЛИВА.

На ряду с организационной работой шла бурная агитация. Это был период непрерывных митингов на заводах, в цирках «Модерн» и Чинизелли, в клубах, в казармах. Атмосфера всех митингов и собраний была насыщена электричеством. Каждое упоминание о восстании встречалось бурей аплодисментов и кликами восторга. Буржуазная печать усугубляла настроение всеобщей тревоги. Подписанный мною ордер Сестрорецкому оружейному заводу о выдаче 5 тысяч винтовок красной гвардии вызвал неописуемую панику в буржуазных кругах. Повсюду говорили и писали о подготовляющейся всеобщей резне. Это, разумеется, нисколько не помешало рабочим Сестрорецкого оружейного завода выдать оружие красногвардейцам. Чем более неистово клеветала и травила нас буржуазная печать, тем горячее откликались на наш голос массы. Становилось все яснее для

обеих сторон, что кризис должен разрешиться в течение ближайших дней. Печать социалистов-революционеров и меньшевиков била тревогу. «Революция в величайшей опасности. Готовится повторение июльских дней,—но на более широкой основе и потому еще более гибельное по своим последствиям»... Горький в своей «Новой Жизни» ежедневно пророчествовал приближающееся крушение всей культуры. Вообще социалистическая окраска с поразительной быстротой сползала с сознания буржуазной интеллигенции при приближении сурового режима рабочей диктатуры.

Зато солдаты даже наиболее отсталых полков восторженно приветствовали комиссаров Военно-Революционного Комитета. От казачьих частей и от социалистического меньшинства юнкеров к нам приходили делегаты. Они обещали в случае открытого столкновения обеспечить по крайней мере нейтралитет своих частей. Правительство Керенского явно повисало в воздухе.

Штаб Округа вступил с нами в сношения и предложил компромисс. Чтобы выяснить себе силу сопротивления врага, мы вступили в переговоры. Но штаб нервничал, то увещевал, то грозил и даже об'явил наших комиссаров недействительными, что, впрочем, нисколько не отразилось на их работе. Центральный Исполнительный Комитет по соглашению со штабом назначил главным комиссаром по Петроградскому Военному Округу штабс-капитана Малевского и из'явил великодушное согласие признать наших комиссаров—под условием их подчинения главному комиссару. Предложение было отвергнуто, и переговоры прервались. Видные меньшевики и социалисты-революю-

ционеры приходили к нам в качестве посредников, убеждали, грозили и предрекали нашу гибель и гибель революции.

«ДЕНЬ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА».

Здание Смольного находилось в этот период уже всецело в распоряжении Петроградского Совета и нашей партии. Меньшевики и правые соц.-рев. перенесли свою политическую деятельность в Мариинский дворец, где едва родившийся предпарламент доживал свои последние дни. Керенский выступил в предпарламенте с большой речью, в которой, под бурные аплодисменты буржуазного крыла, пытался за крикливыми угрозами скрыть свое бессилие. Штаб сделал последнюю попытку сопротивления. Он разослал всем частям гарнизона приглашение прислать по два делегата от каждой части для переговоров о выводе войск из столицы. Совещание было назначено на час дня 22-го октября. Из полков нам немедленно дали знать об этом приглашении. По телефону мы созвали гарнизонное совещание на 11 часов утра. Часть делегатов все же попала в штаб, но только для того, чтобы заявить, что без решения Петроградского Совета они не двинутся никуда. Гарнизонное совещание почти единогласно подтвердило свою верность Военно-Революционному Комитету. Возражения исходили только от оффициальных представителей прежних советских партий, но не находили никакого отклика в делегатах

полков. Попытка штаба только ярче обнаружила, что у нас под ногами твердая почва. В первом ряду стоял Волынский полк, тот самый, который ночью 4-го июля, под звуки своего оркестра, вступил в Таврический дворец для усмирения большевиков.

Центральный Исполнительный Комитет, как уже упоминалось выше, держал в своих руках кассу Петроградского Совета и его издания. Попытка получить хотя бы одно из этих изданий не привела ни к чему. С конца сентября мы предпринимали ряд шагов к тому, чтобы создать самостоятельную газету Петроградского Совета. Но все типографии были заняты, а собственники их бойкотировали нас при поддержке Центрального Исполнительного Комитета. Решено было устроить «День Петроградского Совета» в целях развития широкой агитации и сбора денежных средств на постановку газеты. Этот день недели за две был назначен на 22-ое октября и, стало-быть, попал в момент открыто развивавшегося восстания.

Враждебная пресса с полной уверенностью сообщала, что 22-го октября произойдет вооруженное восстание большевиков на улицах Петрограда. Что восстание произойдет, в этом не сомневался никто. Пытались только определить, когда именно,—гадали, предсказывали, стараясь таким путем вынудить с нашей стороны опровержение или признание. Но Совет спокойно и уверенно шел вперед, не откликаясь на вой буржуазного общественного мнения. День 22-го октября стал днем смотра сил пролетарской армии. Он во всех отношениях прошел прекрасно. Несмо-

тря на шедшие справа предупреждения о том, что на улицах Петрограда будет литься рекою кровь, народные массы валом валили на митинги Петроградского Совета. Все ораторские силы были приведены в движение. Все общественные помещения были заполнены. Митинги шли непрерывно в течение ряда часов. Выступали ораторы нашей партии, с'езжавшиеся на Советский С'езд делегаты, представители с фронта, левые соц.-рев. и анархисты. Общественные здания были затоплены волнами рабочих, солдат и матросов. Таких собраний было немного в Петрограде даже за время революции. Всколыхнулась значительная масса мелкого мещанства, не столько запуганная, сколько взбудораженная криками, предостережениями и травлей буржуазной прессы. Десятки тысяч народа омывали волнами здание Народного Дома, перекатывались по коридорам, заполняли залы. На железных колоннах висели огромные гирлянды человеческих голов, ног, рук, как грозди винограда. В воздухе царило то электрическое напряжение, которое знаменует наиболее критические моменты революции. «Долой правительство Керенского! Долой войну! Вся власть Советам!». Никто из среды прежних советских партий уже не решался выступить перед этими колоссальными толпами со словом возражения. Петроградский Совет господствовал безраздельно. Кампания была уже, в сущности, выиграна. Оставалось нанести призрачной власти последний военный удар.

ЗАВОЕВАНИЕ КОЛЕБЛЮЩИХСЯ ЧАСТЕЙ.

Наиболее осторожные в нашей собственной среде передавали, что имеются еще части, которые не за нас: казаки, кавалерийский полк, семеновцы, самокатчики. В эти части назначены были комиссары и агитаторы. Их отчеты звучали вполне удовлетворительно; накаленная атмосфера захватывала всех и все, и самые консервативные элементы армии лишились возможности противостоять общему направлению петроградского гарнизона. В Семеновском полку, который считался опорой правительства Керенского, я был на митинге, происходившем под открытым небом. Туда явились виднейшие ораторы правого крыла. Они цеплялись за консервативный гвардейский полк, как за последний устой коалиционной власти. Ничто не помогало. Полк высказался подавляющим большинством голосов за нас и не дал бывшим министрам возможности закончить свои речи. Те группы, которые еще противодействовали лозунгам Совета, составлялись преимущественно из офицеров, вольноопределяющихся, вообще из буржуазной интеллигенции и полуинтеллигенции. Рабочие и крестьянские массы были целиком за нас. Разграничение происходило отчетливой социальной линией.

Центральной военной базой Петрограда является Петропавловская крепость. Мы назначили туда комендантом молодого прапорщика. Он оказался как нельзя более на месте и в несколько часов завладел положением. Законные власти

крепости выжидательно отошли к стороне. Ненадежным для нас элементом считались самокатчики, которые в июле разгромили военную организацию нашей партии во дворце Кшесинской и заняли тогда же самый дворец. 23-го я поехал в крепость около двух часов дня. Во дворе шел митинг. Ораторы правого крыла были в высшей степени осторожны и уклончивы, тщательно обходя вопрос о Керенском, имя которого в среде солдат вызывало неизбежные крики протеста и возмущения. Нас слушали и за нами шли. Часа в четыре самокатчики собрались по соседству, в цирке «Модерн», на батальонное собрание. В числе ораторов выступал там и генерал-квартирмейстер Пораделов. Он говорил с чрезвычайной осторожностью. Далеко позади остались те дни, когда оффициальные и официозные ораторы говорили о рабочей партии не иначе, как о банде изменников и наемников германского кайзера. Помощник начальника штаба подошел ко мне: «Помилуйте, нужно какое-нибудь соглашение»... Но было уже поздно. Батальон против 30 голосов высказался после прений за переход власти к Советам.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ.

Правительство Керенского металось из стороны в сторону. Вызвали с фронта два новых батальона самокатчиков, зенитную батарею, пытались вызвать кавалерийские части... Самокатчики прислали Петроградскому Совету телеграмму с пути: «нас ведут в Петроград, не знаем зачем,

просим раз'яснений». Мы предписали им остановиться и выслать делегацию в Петроград. Представители прибыли и заявили на заседании Совета, что батальон целиком на нашей стороне. Это вызвало бурю восторга. Батальону предписано было немедленно вступить в город.

Число делегатов с фронта возрастало каждый день. Они приходили осведомляться о положении дел, собирали нашу литературу и отправлялись разносить по фронту вести о том, что Петроградский Совет ведет борьбу за власть рабочих, солдат и крестьян. «Окопы вас поддержат,— говорили они нам. Старые армейские комитеты, не переизбиравшиеся в течение 4—5 месяцев, посылали нам угрожающие телеграммы, которые никого не пугали: мы знали, что комитеты оторваны от солдатской массы не меньше, чем Центральный Исполнительный Комитет—от местных Советов.

Военно - Революционный Комитет назначил комиссаров на все вокзалы. Они тщательно следили за прибывающими и уходящими поездами и особенно за передвижением солдат. Установлена была непрерывная телефонная и автомобильная связь с смежными городами и их гарнизонами. На все примыкающие к Петрограду Советы была возложена обязанность тщательно следить за тем, чтобы в столицу не приходили контр-революционные, или, вернее, обманутые правительством войска. Низшие вокзальные служащие и рабочие признавали наших комиссаров немедленно. На телефонной станции 24-го возникли затруднения; нас перестали соединять. На станции укрепились юнкера, и под их прикрытием телефо-

нистки стали в оппозицию к Совету. Это первое проявление будущего саботажа. Военно-Революционный Комитет послал на телефонную станцию отряд и установил у входа две небольшие пушки. Так началось завладение всеми органами управления. Матросы и красногвардейцы небольшими отрядами располагались на телеграфе, на почте и в других учреждениях. Были приняты меры к тому, чтобы завладеть Государственным банком. Правительственный центр, Смольный, был превращен в крепость. На чердаке его имелось, еще как наследство от старого Центрального Комитета, десятка два пулеметов, но за ними не было ухода, прислуга при пулеметах опустилась. Нами вызван был в Смольный дополнительный пулеметный отряд. Рано утром, по каменным полам длинных и полутемных коридоров Смольного солдаты с грохотом катили свои пулеметы. Из дверей высовывались недоумевающие или испуганные лица оставшихся еще в Смольном немногочисленных соц.-рев. и меньшевиков.

Совет собирался в Смольном ежедневно, точно также и гарнизонное совещание.

На третьем этаже Смольного, в небольшой угловой комнате, непрерывно заседал Военно-Революционный Комитет. Там сосредоточивались все сведения о передвижении войск, о настроении солдат и рабочих, об агитации в казармах, о выступлении погромщиков, о совещании буржуазных политиков, о жизни Зимнего дворца, о замыслах прежних советских партий. Осведомители являлись со всех сторон. Приходили рабочие, офицеры, дворники, социалистические, юнкера, при-

слуга, дамы. Многие приносили чистейший вздор, другие давали серьезные и ценные указания. Надвигалась решительная минута. Было ясно, что назад возврата нет.

24-го октября вечером Керенский явился в предпарламент и потребовал одобрения репрессивным мерам против большевиков. Но предпарламент находился в состоянии жалкой растерянности и полного распада. Кадеты склоняли правых соц.-рев. принять резолюцию доверия, правые соц.-рев. давили на центр, центр колебался, «левое» крыло вело политику парламентской оппозиции. После совещаний, споров, колебаний прошла резолюция левого крыла, в которой осуждалось мятежное движение Совета, но ответственность за движение возлагалось на антидемократическую политику правительства. Почта ежедневно приносила десятки писем, в которых мы извещались о смертных приговорах, вынесенных против нас, об адских машинах, о предстоящем взрыве Смольного и пр., и пр. Буржуазная печать дико выла от ненависти и страха. Горький, основательно забывший свою песню о соколе, продолжал пророчествовать в «Новой Жизни» о близком свержении.

Члены Военно-Революционного Комитета уже не покидали в течение последней недели Смольного, ночевали на диванах, спали урывками, пробуждаемые курьерами, разведчиками, самокатчиками, телеграфистами и телефонными звонками. Самой тревожной была ночь с 24-го на 25-е. По телефону нам сообщили из Павловска, что правительство вызывает оттуда артиллеристов, из Петергофа—школу прапорщиков. В Зимний

дворец Керенским были стянуты юнкера, офицеры и ударницы. Мы отдали по телефону распоряжение выставить на всех путях к Петрограду надежные военные заслоны и послать агитаторов навстречу вызванным правительством частям. Если не удержат словами—пустить в ход оружие. Все переговоры велись по телефону совершенно открыто и были, следовательно, доступны агентам правительства.

Комиссары сообщали нам по телефону, что на всех подступах к Петрограду бодрствовали наши друзья. Часть ораниенбаумских юнкеров пробралась все же ночью через заслон, и мы следили по телефону за их дальнейшим движением. Наружный караул Смольного усилили, вызвав новую роту. Связь со всеми частями гарнизона оставалась непрерывной. Дежурные роты бодрствовали во всех полках. Делегаты от каждой части находились днем и ночью в распоряжении Военно-Революционного Комитета. Был отдан приказ решительно подавлять черносотенную агитацию и при первой попытке уличных погромов пустить в ход оружие и действовать беспощадно.

В течение этой решающей ночи все важнейшие пункты города перешли в наши руки—почти без сопротивления, без боя, без жертв. Государственный банк охранялся правительственным караулом и броневиком. Здание было окружено со всех сторон нашим отрядом, броневик был захвачен врасплох, и банк перешел в руки Военно-Революционного Комитета без единого выстрела. На Неве, под Франко-Русским заводом, стоял крейсер «Аврора», находившийся в ремонте.

В Смольном.

Охрана рабочими-красногвардейцами Военно-Революционного Комитета.

Его экипаж весь состоял из беззаветно преданных революции матросов. Когда Корнилов угрожал в конце августа Петрограду, матросы «Авроры» были призваны правительством охранять Зимний дворец. И хотя они уже тогда относились с глубочайшей враждой к правительству Керенского, они поняли свой долг—дать отпор натиску контрреволюции—и без возражений заняли посты. Когда опасность прошла, их устранили. Теперь, в дни октябрьского восстания, они были слишком опасны. «Авроре» отдан был из Морского министерства приказ сняться и выйти из вод Петрограда. Экипаж немедленно сообщил нам об этом. Мы отменили приказ, и крейсер остался на месте, готовый в любой момент привести в движение все свои боевые силы во имя Советской власти.

РЕШАЮЩИЙ ДЕНЬ.

На рассвете 25-го октября в Смольный явились из партийной типографии рабочий и работница и сообщили, что правительство закрыло центральный орган нашей партии и новую газету Петроградского Совета. Типография была опечатана какими-то агентами власти. Военно-Революционный Комитет немедленно отменил приказ, взял под свою защиту оба издания и возложил «высокую честь охранять свободное социалистическое слово от контр-революционных покушений на доблестный Волынский полк». Типография ра-

ботала после этого без перерыва, и обе газеты вышли после этого в положенный час.

Правительство попрежнему заседало в Зимнем дворце, но оно уже стало только тенью самого себя. Политически оно не существовало. Зимний дворец в течение 25-го октября постепенно оцеплялся нашими войсками со всех сторон. В час дня я заявил на заседании Петроградского Совета от имени Военно-Революционного Комитета, что правительство Керенского больше не существует и что, впредь до решения Всероссийского С'езда Советов, власть переходит в руки Военно-Революционного Комитета.

Ленин уже несколько дней перед тем покинул Финляндию и скрывался на окраинах города в рабочих квартирах. 25-го вечером он конспиративно прибыл в Смольный. По газетным сведениям положение рисовалось ему так, как будто между нами и правительством Керенского дело идет к временному компромиссу. Буржуазная пресса так много кричала о близком восстании, о выступлении вооруженных солдат на улице, о разгромах, о неизбежных реках крови, что теперь она не заметила того восстания, которое происходило на деле, и принимала переговоры штаба с нами за чистую монету. Тем временем без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития захватывалось одно учреждение за другим стройными и дисциплинированными отрядами солдат, матросов и красногвардейцев по точным телефонным приказам, исходившим из маленькой комнаты в третьем этаже Смольного института.

Вечером происходило предварительное заседание Второго Всероссийского С'езда Советов. До-

кладчиком от имени Центрального Исполнительного Комитета выступил Дан. Он произнес обвинительную речь против бунтарей, захватчиков, мятежников и пытался запугать С'езд неизбежным крахом восстания, которое-де на-днях будет подавлено силами фронта. Его речь звучала неубедительно и неуместно в стенах зала, где подавляющее большинство делегатов с восторгом наблюдало за ходом победоносного петроградского восстания.

Зимний дворец был к этому моменту окружен, но еще не взят. Время от времени из окон его стреляли по осаждавшим, которые сужали свое кольцо медленно и осторожно. Из Петропавловской крепости было дано по дворцу два-три орудийных выстрела. Отдаленный гул их доносился до стен Смольного. Мартов с беспомощным негодованием говорил с трибуны С'езда о гражданской войне и, в частности, об осаде Зимнего, где в числе министров находились—о, ужас!—члены партии меньшевиков. Против него выступили два матроса, которые явились для сообщений с места борьбы. Они напомнили обличителям о наступлении 18-го июня, обо всей предательской политике старой власти, о восстановлении смертной казни для солдат, об арестах, разгромах революционных организаций и клялись победить или умереть. Они же принесли весть о первых жертвах с нашей стороны на Дворцовой площади. Все поднялись, точно по невидимому сигналу, и с единодушием, которое создается только высоким нравственным напряжением, пропели похоронный марш. Кто пережил эту минуту, тот не забудет ее.

Заседание нарушилось. Невозможно было те-

оретически обсуждать вопрос о способах построения власти под долетавшие до нас отзвуки борьбы и стрельбы у стен Зимнего дворца, где практически решалась судьба этой самой власти. Взятие дворца, однако, затягивалось, и это вызвало колебания среди менее решительных элементов С'езда. Правое крыло через своих ораторов пророчествовало нам близкую гибель. Все с напряжением ждали вестей с Дворцовой площади. Через некоторое время явился руководивший операциями Антонов. В зале воцарилась полная тишина.—Зимний дворец взят, Керенский бежал, остальные министры арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость.—Первая глава октябрьской революции закончилась.

Правые соц.-революционеры и меньшевики, в общем, человек шестьдесят, т. е. около одной десятой части С'езда, с протестом покинули заседание. Так как им не оставалось ничего другого, то они «возлагали всю ответственность» за дальнейшее на большевиков и левых соц.-рев. Эти последние переживали колебания. Прошлое тесно связывало их с партией Чернова. Правое крыло этой партии совершенно сдвинулось на средне- и мелко-буржуазные элементы, на мещанскую интеллигенцию, на зажиточные слои деревни и во всех решающих вопросах шло рука об руку с либеральной буржуазией против нас. Наиболее революционные элементы партии, отражавшие радикализм социальных требований беднейших крестьянских масс, тяготели к пролетариату и к его партии. Они боялись, однако, разрезать пуповину, которая связывала их со старой партией. Когда мы выходили из предпарламента, они от-

казывались следовать за нами и предупреждали нас против «авантюры». Но восстание поставило их перед необходимостью выбора: за Советы или против Советов. Не без колебаний они собирали свои ряды по ту же сторону баррикады, где находились мы.

ОБРАЗОВАНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

В Петрограде была одержана полная победа. Власть находилась целиком в руках Военно-Революционного Комитета. Мы издали первые декреты—об отмене смертной казни, перевыборах армейских комитетов и пр. Но тут же обнаружилось, что мы отрезаны от провинции. Верхи железнодорожных и почтово-телеграфных служащих были против нас. Армейские комитеты, думы, земства, продолжали бомбардировать Смольный грозными телеграммами, в которых об'являли нам прямую войну и обещали смести мятежников в короткий срок. Наши телеграммы, декреты и об'яснения не достигали провинции, так как Петроградское Телеграфное Агентство отказывалось нам служить. В этой атмосфере изолированности столицы от остальной страны легко рождались и распространялись тревожные и чудовищные слухи.

Убедившись, что Совет действительно оказался у власти, что старое правительство аре-

стовано, а на улицах Петрограда господствуют вооруженные рабочие, буржуазная и соглашательская печать подняла кампанию поистине несравненного бешенства; не было той лжи и клеветы, которой она не мобилизовала бы против Военно-Революционного Комитета, его руководителей и его комиссаров.

Днем 26-го происходило заседание Петроградского Совета при участии делегатов Всероссийского С'езда, членов гарнизонного совещания и многочисленной партийной публики. Здесь впервые после почти четырехмесячного перерыва выступили Ленин и Зиновьев, встреченные бурными овациями. К радости по поводу одержанной победы примешивалась, однако, тревога по поводу того, как откликнется на переворот страна и удержат ли Советы власть...

Вечером происходило решающее заседание С'езда Советов. Ленин внес два декрета: о мире и о земле. Оба они были приняты после коротких прений единогласно. На этом же заседании была создана новая центральная власть в лице Совета Народных Комиссаров.

Центральный комитет нашей партии сделал попытку достигнуть соглашения с левыми соц.-рев. Им было предложено принять участие в образовании Советской власти. Они колебались, ссылаясь на то, что, по их мысли, власть должна иметь коалиционный характер в пределах советских партий. Но меньшевики и правые соц.-рев. порвали связь с С'ездом Советов, считая необходимой коалицию с анти-советскими партиями. Нам ничего не оставалось, как предоставить партии левых соц.-рев. убеждать своих соседей

справа вернуться в лагерь революции; а пока они занимались этим безнадежным делом, мы считали себя обязанными взять ответственность за власть целиком на нашу партию. Список народных комиссаров был составлен исключительно из большевиков. В этом была несомненно известная политическая опасность: поворот оказывался слишком крутым,—достаточно, в самом деле, вспомнить, что вожди этой партии еще до вчерашнего дня стояли под знаком обвинения по 108 статье, т. е. в государственной измене. Но иного выбора не было. Другие советские группы колебались и уклонялись, предпочитая занять выжидательную позицию. В конце-концов мы не сомневались в том, что только наша партия способна создать революционную власть.

ПЕРВЫЕ ДНИ НОВОГО РЕЖИМА.

Декреты о земле и мире, утвержденные С'ездом, печатались в огромных количествах и через делегатов с фронта, через приезжавших из деревень крестьянских ходоков, через агитаторов, которых мы отправили в провинцию и в окопы, распространялись по всей стране. Одновременно шла работа по организации и вооружению красной гвардии. Вместе с старым гарнизоном и матросами она несла тяжелую караульную службу. Совет Народных Комиссаров завладевал одним правительственным учреждением за другим, но всюду наталкивался на массовое сопротивление

высшего и среднего чиновничества. Прежние советские партии прилагали все усилия к тому, чтобы найти в этом слое опору и организовать саботаж новой власти. Наши враги были уверены, что дело идет об эпизоде, что завтра-послезавтра, через неделю Советская власть будет сброшена... В Смольном появились первые иностранные консулы и члены посольств, движимые столько же текущими деловыми потребностями, сколько любопытством. Корреспонденты спешили туда со своими записными книжками и фотографическими аппаратами. Все торопились посмотреть, как выглядит новая власть, ибо были уверены, что через день-два будет уже поздно.

В городе царил полный порядок. Матросы, солдаты, красногвардейцы держали себя в эти первые дни с превосходной дисциплиной и поддерживали режим сурового революционного порядка.

В лагере врагов начинались опасения, как бы «эпизод» не затянулся слишком долго, и вместе с тем наспех создавалась первая организация наступления на новую власть. Инициатива принадлежала соц.-рев. и меньшевикам. В прошлый период они не хотели и не смели брать в свои руки всю власть. В соответствии со своим промежуточным политическим положением они удовлетворялись тем, что состояли в составе коалиционной власти в качестве помощников, критиков, доброжелательных обличителей и защитников буржуазии. Во время всех выборов они добросовестно предавали либеральную буржуазию анафеме, а в правительстве столь же исправно об'единялись с нею. За первые шесть месяцев революции они успели в результате этой политики окончатель-

но утерять доверие народных масс и армии, а теперь ударом октябрьского восстания они отбрасывались от государственного аппарата. Между тем еще вчера они считали себя хозяевами положения. Преследуемые ими вожди большевиков жили нелегально, скрываясь как при царизме. Сегодня большевики завладели властью. А вчерашние министры-соглашатели и их сотрудники оказались отброшенными в сторону и сразу лишились какого бы то ни было влияния на дальнейшее течение событий. Они не хотели и не могли верить в то, что этот крутой поворот означает начало новой эпохи. Они хотели и заставляли себя думать, что тут—случайность, недоразумение, которое можно устранить несколькими энергичными речами и обличительными статьями. Но с каждым часом они наталкивались на все более непреодолимые препятствия. Отсюда их слепая, поистине бешеная ненависть.

Буржуазные политики, разумеется, не решались идти в огонь. Они проталкивали вперед соц.-рев. и меньшевиков, которые в борьбе против нас обрели всю ту энергию, какой им не хватало в тот период, когда они были партией полувласти. В их органах распространялись наиболее чудовищные слухи и клеветы. От их имени исходили прокламации, заключавшие в себе прямые призывы к разгрому новой власти. Они же организовывали чиновников для саботажа, юнкеров для военных выступлений.

27-го и 28-го мы продолжали получать от армейских комитетов, городских дум, земств, от организаций Викжеля (руководящего учреждения железнодорожного союза) непрерывные угрозы

по телеграфу. На Невском, главной артерии столичной буржуазии становилось все более оживленно. Буржуазная молодежь выходила из оцепенения и, подталкиваемая прессой, развертывала на Невском все более широкую агитацию против Советской власти. При помощи буржуазной толпы юнкера разоружали отдельных красногвардейцев. На более глухих улицах красногвардейцев и матросов пристреливали. Группа юнкеров захватила телефонную станцию, были сделаны с той же стороны попытки захватить телеграф, почту; наконец, нам донесли о том, что три броневика попали в руки какой-то враждебной нам военной организации. Буржуазные элементы явно поднимали голову. В газетах провозвещалось, что мы доживаем последние часы. Наши люди перехватили несколько секретных приказов, из которых было ясно, что против Петроградского Совета создана боевая организация, в центре которой стоял так называемый Комитет защиты революции, созданный Городской думой и Центральным Исполнительным Комитетом старого состава. И там, и здесь господствовали правые соц.-рев. и меньшевики. В распоряжение этого Комитета поставляли себя юнкера, студенты и многие контр-революционные офицеры, стремившиеся из-за спины соглашателей нанести Советам смертельный удар.

ВОССТАНИЕ ЮНКЕРОВ 29-го ОКТЯБРЯ.

Опорными пунктами контр - революционной организации служили юнкерские училища и Инженерный замок, где было сосредоточено довольно много оружия и боевых запасов и откуда делались налеты на учреждения революционной власти.

Отряды красногвардейцев и матросов окружали юнкерские училища, посылая туда парламентеров, предлагали выдать оружие. Оттуда отвечали выстрелами. Осаждавшие топтались на месте, вокруг них собиралась публика, и нередко шальные пули из окон ранили прохожих. Стычки получали неопределенно-затяжной характер, и это грозило деморализацией революционных отрядов. Необходимо было принять самые решительные меры. Задача разоружения юнкеров была возложена на коменданта Петропавловской крепости, прапорщика Б. Он плотно окружил юнкерские училища, подтянул к ним броневики и артиллерию и, пред'явив юнкерам ультиматум: сдаться, дал им десять минут на размышление. Из окон отвечали новыми выстрелами. По истечении 10 минут Б. приказал открыть артиллерийский огонь. Первые же выстрелы открыли в стенах училища зияющую брешь. Юнкера сдались, хотя многие пытались спастись бегством и, убегая, отстреливались. Создалось ожесточение, всегда сопровождающее гражданскую войну. Матросы учиняли, несомненно, жестокости над отдельными юнкерами. Буржуазная печать потом обвиняла матросов и Советскую власть в бесчеловечности

и зверстве. Она молчала об одном: что переворот 25—26-го октября произошел почти без выстрелов и без жертв и что только контр-революционный заговор, организованный буржуазией и бросивший ее молодое поколение в огонь гражданской войны против рабочих, солдат и матросов, привел к неизбежным жестокостям и жертвам. День 29-го октября создал резкий перелом в настроении петроградского населения. События приняли более трагический характер. Вместе с тем наши враги поняли, что дело обстоит гораздо серьезнее, чем они думали, и что Совет отнюдь не собирается отдавать завоеванную им власть по требованию капиталистических газет и юнкеров.

Очищение Петрограда от контр-революционных очагов шло очень напряженно. Юнкера были почти поголовно разоружены, участники восстания арестованы, заключены в Петропавловскую крепость или вывезены в Кронштадт. Издания, открыто призывающие к восстанию против Советской власти, были закрыты. Против некоторых из вождей прежних советских партий, имена которых значились под перехваченными контр-революционными приказами, были изданы распоряжения об аресте. Военное сопротивление в столице было окончательно сломлено.

На очередь встала длительная и изнурительная борьба с итальянской забастовкой чиновников, техников, служащих и пр. Эти элементы, принадлежащие в значительной своей части по оплате труда к угнетенным классам народа, по условиям существования и по психологии примыкают к буржуазному обществу. Они верой и правдой служили государству и его учреждениям, ког-

да во главе этого государства стоял царизм. Они продолжали служить государству, когда власть перешла в руки империалистической буржуазии. Они перешли в наследство со своими знаниями и техническими навыками к коалиционной власти в следующий период революции. Но когда восставшие рабочие, солдаты, крестьяне отбросили от государственного руля партии эксплоатирующих классов и попытались взять управление делами в свои собственные руки, тогда чиновники и служащие встали на дыбы и решительно отказали новой власти в какой бы то ни было поддержке. Чем дальше, тем шире развертывался этот саботаж, организаторами которого выступали преимущественно соц.-рев. и меньшевики и который питался за счет финансовых средств, доставлявшихся банками и союзными посольствами.

ДВИЖЕНИЕ КЕРЕНСКОГО НА ПЕТРОГРАД.

Чем прочнее стояла Советская власть в Петрограде, тем больше буржуазные группы переносили свои надежды на военную помощь извне. Петроградское телефонное агентство, железнодорожный телеграф, радио-телеграфная станция Царского Села приносили со всех концов вести о грандиозных силах, которые движутся на Петроград для того, чтобы покорить там мятежников и утвердить порядок. Ке-

ренский бежал на фронт, и буржуазные газеты сообщали, что он ведет оттуда против большевиков несметные войска. Мы были оторваны от страны, телеграф не хотел нам служить. Но солдаты, десятками, сотнями приходившие ежедневно по поручению своих полков, дивизий и корпусов, неизменно говорили нам: «не бойтесь фронта, он целиком за вас, отдайте только распоряжение—и мы отправим на помощь вам хоть сегодня же дивизию или корпус». В армии было то же, что и всюду: низы были за нас, верхи против нас. В руках у этих верхов был военно-технический аппарат. Отдельные части многомиллионой армии оказывались изолированными друг от друга. Мы были изолированы от армии и от всей страны. Тем не менее весть о Советской власти в Петрограде и об ее декретах неудержимо расходилась по стране и будила Советы к восстанию против старой власти.

Вести о движении Керенского во главе каких то войск на Петроград вскоре уплотнились и приняли более определенные очертания. Из Царскаго Села нам сообщали о том, что через Лугу туда подошли казачьи эшелоны. По Петрограду распространилось воззвание, подписанное Керенским и генералом Красновым и призывавшее весь гарнизон присоединиться к правительственным войскам, которые в ближайшие часы вступят в Петроград. Восстание юнкеров 29-го октября находилось в несомненной связи с предприятием Керенского, но только слишком рано прорвалось наружу, вследствие решительных действий с нашей стороны. Царскосельскому гарнизону был отдан приказ: потребовать от подступающих ка-

зачьих частей признания Советской власти, а в случае отказа—разоружить их. Но гарнизон Царского Села оказался неприспособленным для боевых операций. У него не было артиллерии и не было руководителей: офицерство враждебно относилось к Советской власти. Казаки завладели радио-телеграфной станцией Царского Села, самой могущественной в стране, и продвигались дальше. Гарнизоны Петергофа, Красного Села, Гатчины не проявляли ни инициативы, ни решимости.

После почти бескровной победы в Петрограде у солдат создалась уверенность, что дело и дальше пойдет тем же путем: достаточно-де послать к казакам агитатора, который об'яснит им цели рабочей революции, и они сложат оружие. Путем речей и братания было преодолено контрреволюционное восстание Корнилова. Путем агитации и планомерного захвата учреждений—без боя—было сброшено правительство Керенского. Те же методы применялись руководителями Царскосельского, Красносельского и Гатчинского Советов против казаков генерала Краснова. Но здесь успеха не было. Без решительности и энтузиазма казаки продвигались, однако, вперед. Отдельные отряды проходили к Гатчине, к Красному Селу, вступали в стычку с немногочисленными отрядами местных гарнизонов, иногда разоружали их. О численности отрядов Керенского мы не имели сперва никакого представления. Одни говорили, что генерал Краснов ведет за собой десять тысяч человек, другие утверждали, что не больше тысячи; наконец враждебные нам газеты и воззвания вершковыми буквами сообщили, что под Царским Селом сосредоточилось два корпуса.

В Петроградском гарнизоне также царила атмосфера неуверенности; едва успели одержать бескровную победу, как приходилось выступать против врага неизвестной численности для боев с неизвестным исходом. На гарнизонных совещаниях говорилось главным образом о необходимости послать новых и новых агитаторов и выпустить воззвания к казакам: солдатам казалось невозможным, чтобы казаки отказались встать на ту точку зрения, которую защищал в своей борьбе петроградский гарнизон. Между тем передовые казачьи группы продвинулись совсем близко к Петрограду, и мы готовились к тому, что главная борьба произойдет на улицах города.

Наибольшую решительность проявили красногвардейцы. Они требовали оружия, боевых припасов, руководства. Но в военном аппарате все было расстроено, разлажено, отчасти—от запустения, отчасти—злонамеренно. Офицеры отстранились, многие бежали, винтовки были в одном месте, патроны—в другом. Еще хуже обстояло дело с артиллерией. Орудия, лафеты, снаряды—все это находилось в разных местах и все это приходилось разыскивать ощупью. У полков не оказалось в наличности ни саперных инструментов, ни полевых телефонов. Революционный штаб, который пытался наладить все это сверху, наталкивался на непреодолимые препятствия, прежде всего в виде саботажа военно-шехнического персонала.

Тогда мы решили обратиться непосредственно к рабочим массам. Мы изложили им, что завоевания революции находятся в величайшей опасности и что от них, от их энергии, инициативы

и самоотвержения, зависит спасти и укрепить режим рабочей и крестьянской власти. Это обращение почти сейчас же увенчалось огромным практическим успехом. Тысячи рабочих двинулись по направлению к войскам Керенского и занялись рытьем окопов. Рабочие орудийных заводов снаряжали пушки, сами добывали для них на складах снаряды, реквизировали лошадей, вывозили орудия на позиции, устанавливали их, организовали интендантскую часть, добывали бензин, моторы автомобили, реквизировали продовольственные запасы и фураж, поставили на ноги санитарный обоз,—словом, создали весь тот боевой аппарат, который мы тщетно пытались создать сверху из революционного штаба.

Когда на позициях появились десятки орудий, настроение наших солдат сразу изменилось: под защитой артиллерии они готовы были дать отпор натиску казаков. В первых линиях стояли матросы и красногвардейцы. Несколько офицеров политически чуждых нам, но честно связанных со своими полками, сопровождали своих солдат на позиции и руководили их действиями против казаков Краснова.

КРУШЕНИЕ АВАНТЮРЫ КЕРЕНСКОГО.

Тем временем телеграммы разносили по всей стране и за границей весть о том, что «авантюра» большевиков ликвидирована, Керенский вступил в Петроград и восстановляет железной рукой порядок. С другой стороны, в самом Пет-

рограде буржуазная печать, ободренная близостью войск Керенского, писала о полном разложении в среде Петроградского гарнизона, о неудержимом наступлении казаков, снабженных большим количеством артиллерии, и предрекала гибель Смольного. Главное наше затруднение состояло, как уже сказано, в отсутствии налаженного технического аппарата и людей, способных руководить военными действиями. Даже те офицеры, которые добросовестно сопровождали своих солдат на позиции, отказывались от поста главнокомандующего.

После продолжительных поисков мы остановились на следующей комбинации. Гарнизонное совещание избрало комиссию из пяти лиц, которой был поручен верховный контроль над всеми операциями против контр-революционных войск, двигавшихся на Петроград. Эта комиссия вошла затем в соглашение с полковником генерального штаба Муравьевым, который находился в оппозиции во время режима Керенского, и теперь по собственной инициативе, предложил свои услуги Советскому Правительству.

С Муравьевым мы выезжали холодной ночью 30-го октября в автомобиле на позиции. По дороге тянулись обозы с провиантом, фуражом, боевыми припасами, артиллерией. Все это сделали рабочие разных заводов. Заставы из красногвардейцев несколько раз на пути останавливали наш автомобиль и проверяли пропускное свидетельство. С первых дней октябрьской революции все автомобили в городе были реквизированы и без свидетельства из Смольного ни один автомобиль не мог двигаться по улицам города или в

окрестностях столицы. Бдительность красногвардейцев была выше всякой похвалы. Они выстаивали вокруг небольших костров часами с винтовками в руках, и вид этих молодых вооруженных рабочих у костров на снегу был лучшим символом пролетарской революции.

На позиции было установлено много орудий, не было недостатка в снарядах. Решающее столкновение разыгралось в этот именно день между Красным и Царским Селами. После жестокого артиллерийского боя казаки, которые подвигались вперед до тех пор, пока не встречали препятствий, поспешно отступили. Их обманывали все время, рассказывая им о жестокостях и зверствах большевиков, которые-де хотят продать Россию германскому кайзеру. Их убедили, что чуть ли не весь гарнизон в Петрограде с нетерпением дожидается их, как избавителей. Первое серьезное сопротивление совершенно расстроило их ряды и обрекло на крушение все предприятие Керенского. Отступление казаков Краснова дало нам возможность взять в свои руки радиостанцию Царского Села. Мы сейчас же дали радио о победе над войсками Керенского *).

*) Приводим здесь текст радиотелеграммы:

Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 мин. пополуночи.

Ночь с 30-го на 31-е октября войдет в историю. Попытка Керенского двинуть контр-революционные войска на столицу революции получила решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем. Солдаты, матросы и рабочие Петрограда показали, что умеют и хотят с оружием в руках утвердить волю и власть рабочей демократии. Буржуазия стремилась изолировать армию революции, Керенский пытался сломить ее силой казачества. И то, и другое потерпело жалкое крушение.

Наши заграничные друзья сообщили нам впоследствии, что германская радио-телеграфная станция, по приказу свыше, не приняла этой радио-телеграммы.

Первая реакция германских властей на октябрьские события выразилась, таким образом, в страхе, как бы эти события не вызвали брожения в самой Германии. В Австро-Венгрии приняли часть нашей телеграммы, и, насколько нам известно, она стала источником осведомления всей остальной Европы о том, что злосчастная попытка Керенского вернуть себе власть закончилась жалким крушением.

Среди казаков Краснова шло брожение. Они стали посылать своих лазутчиков в Петроград и даже своих оффициальных делегатов в Смоль-

---

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократии сплотила ряды армии и закалила ее волю. Вся страна отныне убедится, что Советская власть—не преходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенскому есть отпор помещикам, буржуазии, корниловцам. Отпор Керенскому есть утверждение права народа на мирную свободную жизнь, землю, хлеб и власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепляет дело рабочей и крестьянской революции. Возврата к прошлому нет. Впереди еще борьба, препятствия и жертвы. Но путь открыт и победа обеспечена.

Революционная Россия и Советская власть в праве гордиться своим Пулковским отрядом, действующим под командой полковника Вальдена. Вечная память павшим! Слава борцам революции, солдатам и верным народу офицерам!

Да здравствует революционная, народная, социалистическая Россия.

Именем Совета Народных Комиссаров
Л. Троцкий.

31-го октября 1917 г.

ный. Там они имели возможность убедиться, что в столице царит полный порядок, поддерживаемый гарнизоном, который единодушно стоит за Советскую власть. Разложение в среде казаков приняло тем более острый характер, что им ясна стала вся нелепость затеи взять Петроград при помощи тысячи с небольшим кавалеристов—обещанные им подкрепления с фронта совершенно не поступали...

Отряд Краснова отступил на Гатчину, и, когда мы на другой день выехали туда, красновский штаб был уже, в сущности, в плену у самих казаков. Наш Гатчинский гарнизон занимал все важнейшие позиции. Казаки же, хотя и не были разоружены, но по состоянию своему были совершенно неспособны на дальнейшее сопротивление. Они хотели только одного: чтобы их скорее отпустили на Дон или, по крайней мере, на фронт.

Гатчинский дворец представлял собою любопытное зрелище. У всех входов стоял усиленный караул. У ворот—артиллерия, броневики. В дворцовых помещениях, украшенных ценной живописью разместились матросы, солдаты, красногвардейцы. На столах из дорогого дерева лежали части солдатской одежды, трубки, коробки из-под сардин. В одной из комнат помещался штаб генерала Краснова. На полу лежали матрацы, шапки, шинели. Сопровождавший нас представитель Военно-Революционнаго Комитета вошел в помещение штаба, со стуком опустил винтовку прикладом вниз и, опершись на нее, заявил: «Генерал Краснов, вы и ваш штаб арестованы Советской властью». У обеих дверей немедленно же размести-

лись вооруженные красногвардейцы. Керенского не было: он снова бежал, как раньше из Зимнего дворца. Об обстоятельствах этого побега генерал Краснов рассказал в письменном показании, которое он дал первого ноября. Мы приводим здесь целиком этот любопытный документ.

«1917 года, 1 дня ноября месяца, 19 часов.

Около 15 часов сегодня меня потребовал к себе Верховный Главнокомандующий (Керенский). Он был очень взволнован и нервен.

— Генерал,—сказал он,—вы меня предали... Тут ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут матросам...

— Да,—отвечал я,—разговоры об этом идут, и я знаю, что сочувствия к вам нигде нет.

— Но и офицеры говорят то же.

— Да, офицеры особенно недовольны вами.

— Что же мне делать? Приходится покончить с собой.

— Если вы честный человек, вы поедете сейчас в Петроград с белым флагом и явитесь в Революционный Комитет, где переговорите, как глава правительства.

— Да, я это сделаю, генерал.

— Я дам вам охрану и попрошу, чтобы с вами поехал матрос.

— Нет, только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко?

— Я не знаю, кто такой Дыбенко.

— Это мой враг.

— Ну, что же делать. Раз ведете большую игру, то надо и ответ дать.

— Да, только я уеду ночью.

— Зачем? Это будет бегство. Поезжайте

спокойно и открыто, чтобы все видели, что вы не бежите.

— Да, хорошо. Только дайте мне конвой надежный.

— Хорошо.

Я пошел, вызвал казака 10-го Донского казачьего полка Русскова и приказал назначить 8 казаков для окарауливания Верховного Главнокомандующего.

Через полчаса пришли казаки и сказали, что Керенского нет, что он бежал. Я поднял тревогу и приказал его отыскать; полагаю, что он не мог бежать из Гатчины и скрывается где-либо здесь же.

Командующий III Корпусом
Генерал-майор Краснов».

Так закончилось это предприятие.

Наши противники тем не менее не сдавались и не соглашались признать, что вопрос о власти решен. Они продолжали возлагать свои надежды на фронт. Целый ряд лидеров бывших советских партий—Чернов, Церетели, Авксентьев, Гоц и другие—направлялись на фронт, вели там переговоры со старыми армейскими комитетами, собирались в ставке у Духонина, подбивали его на сопротивление и, по газетным сообщениям, пытались даже в ставке организовать новое министерство. Из всего этого ничего не вышло. Старые армейские комитеты потеряли всякое значение, и на фронте происходила интенсивная работа по созыву конференций и с'ездов, имевших своей задачей переизбрание всех фронтовых ор-

ганизаций. На этих перевыборах Советская власть побеждала всюду.

Из Гатчины наши отряды продвигались по железной дороге дальше в сторону Луги и Пскова. Оттуда подошло им навстречу еще несколько поездов с ударниками и казаками, которых вызывал Керенский или отправляли отдельные генералы. С одним из эшелонов было даже вооруженное столкновение. Но большинство солдат, которых направляли к Петрограду, при первой же встрече с представителями советских войск заявляли, что их обманули и что они не поднимут руки против власти рабочих и солдат.

ВНУТРЕННИЕ ТРЕНИЯ.

Тем временем борьба за власть Советов распространялась по всей стране. В Москве борьба приобрела крайне затяжной и кровавый характер. Может быть, не последней причиной этого явился тот факт, что руководители восстания не проявили сразу всей необходимой решительности наступления. В гражданской войне более, чем во всякой другой, победа может быть обеспечена только решительным и непрерывным наступлением. Колебаться—нельзя, вести переговоры—опасно, топтаться выжидательно на месте—гибельно. Дело идет о народных массах, которые еще не держали в руках власти, которые находились всегда под ярмом другого класса и кото-

рым больше всего не хватает поэтому политической самоуверенности. Колебание в руководящем центре революции сейчас же разлагает их. Только в том случае, если революционная партия твердо, неуклонно идет к своей цели, она может помочь трудящимся преодолеть привитые столетиями инстинкты рабства и привести рабочие массы к победе. И только на пути решительного наступления победа может быть достигнута с наименьшей затратой сил и жертв.

Но вся трудность состоит именно в том, чтобы достигнуть решительной и твердой тактики. Неуверенность массы в своих собственных силах, отсутствие у нее опыта власти отражается и на вождях, которые в свою очередь находятся, кроме того, под могущественным давлением буржуазного общественного мнения сверху.

Либеральная буржуазия с ненавистью и ожесточением воспринимала мысль о самой возможности установления господства трудящихся масс. Она давала этим своим чувствам выражение посредством всех тех бесчисленных органов, какими она располагает. За ней тянулась интеллигенция, которая, при всем своем словесном радикализме и социалистической окраске своего миросозерцания, в самых глубинах своего сознания насквозь пропитана рабским преклонением пред могуществом буржуазии и ее правительственным искусством. Вся эта «социалистическая» интеллигенция шарахнулась вправо и глядела на укрепляющуюся Советскую власть, как на начало конца. За представителями «свободных» профессий тянулось чиновничество, административ-

но-технический персонал, все те элементы, которые духовно и материально живут крохами со стола буржуазии. Оппозиция этих слоев имела преимущественно пассивный характер, особенно после разгрома юнкерского восстания, но тем более она могла казаться непреодолимой. Нам на каждом шагу отказывали в содействии. Чиновники либо уходили из министерства, либо, оставаясь там, отказывались работать. Они не сдавали ни дел, ни денежных сумм. На телефонной станции нас не соединяли. На телеграфе искажали или задерживали наши телеграммы. Мы не находили переводчиков, стенографов, даже переписчиц. Все это не могло не создавать такой атмосферы, в которой отдельные элементы на верхах нашей собственной партии должны были усомниться в том, удастся ли трудящимся массам при таком отпоре буржуазного общества наладить правительственный аппарат и удержаться у власти. Стали раздаваться голоса о необходимости соглашения. С кем? С либеральной буржуазией? Но опыт коалиции с ней загнал революцию в ужасающую трясину. Восстание 25-го октября явилось актом самосохранения народных масс после периода бессилия и предательства коалиционной власти. Оставалась коалиция в рядах так называемой революционной демократии, т.-е. всех советских партий. Такую коалицию мы, в сущности, предложили с самого начала, на заседании Второго Всероссийского С'езда Советов 25-го октября. Правительство Керенского было опрокинуто, мы предложили С'езду Советов взять в свои руки власть. Но правые партии ушли, хлопнув дверью. И это было лучшее из того, что они

могли сделать. Они представляли собою ничтожный сектор с'езда. За ними уже не было масс, а те слои, которые еще по инерции поддерживали их, все более переходили на нашу сторону. Коалиция с правыми соц.-рев. и меньшевиками неспособна была бы расширить социальную основу Советской власти; в то же время она вводила бы в состав этой власти элементы, насквозь раз'еденные политическим скептицизмом и идолопоклонством перед либеральной буржуазией. Вся сила новой власти была в радикализме ее программы, в решительности ее действий. Связать себя с группами Чернова и Церетели значило опутать новую власть по рукам и по ногам, лишить ее свободы действий и тем самым подорвать к ней доверие рабочих масс в самый короткий срок.

Ближайшими нашими соседями справа были так называемые «левые социалисты-революционеры». Они в общем и в целом готовы были поддерживать нас, но в то же время стремились создать коалиционное социалистическое правительство. Правление железнодорожного союза (так называемый Викжель), центральный комитет почтово-телеграфных служащих, союз чиновников правительственных учреждений,—все эти организации были против нас. И на верхах нашей собственной партии раздавались голоса в пользу необходимости так или иначе придти с ними к соглашению. Но на какой основе? Все перечисленные руководящие учреждения прошлого периода внутренне изжили себя. Они находились приблизительно в таком же отношении ко всему низшему персоналу, как старые армейские комитеты — к окопной солдатской массе. История

провела глубокую трещину между верхами и низами. Беспринципные комбинации из этих изжитых революцией руководителей вчерашнего дня были обречены на неизбежное крушение. Нужно было твердо и решительно опереться на низы, чтобы вместе с ними преодолеть саботажничество и аристократические претензии верхов. Мы предоставили левым соц.-рев. продолжать безнадежные попытки соглашения. Наша политика состояла, наоборот, в противопоставлении трудящихся низов всем тем представительным организациям, которые поддерживали режим Керенского. Эта непримиримая политика вызвала трения и даже некоторый раскол на верхах нашей собственной партии. В Центральном Исполнительном Комитете левые социалисты-революционеры протестовали против суровости мер новой власти и настаивали на необходимости компромиссов. Они встретили поддержку со стороны части большевиков. Три народных комиссара сложили свои полномочия и вышли из состава правительства. Некоторые другие партийные деятели принципиально солидаризировались с ними. Это произвело огромное впечатление в интеллигентских и буржуазных кругах: если большевиков не победили юнкера и казаки Краснова, то, теперь совершенно ясно, Советская власть должна погибнуть в результате внутреннего разложения... Однако массы совершенно не заметили этого раскола. Они единодушно поддерживали Совет Народных Комиссаров—не только против контрреволюционных заговорщиков и саботажников, но и против соглашателей и скептиков.

СУДЬБА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

Когда после корниловской авантюры господствовавшие советские партии сделали попытку загладить свое попустительство в отношении контр-революционной буржуазии, они потребовали ускорения созыва Учредительного Собрания. Керенский, которого Советы только-что спасли от слишком' тесных об'ятий его союзника Корнилова, оказался вынужденным пойти на уступки. Созыв Учредительного Собрания был назначен на конец ноября. Условия складывались, однако, к этому времени таким образом, что не было никакой гарантии того, что Учредительное Собрание будет действительно созвано. На фронте шла глубочайшая разруха, дезертирство возрастало со дня на день, солдатские массы угрожали целыми полками и корпусами покинуть окопы и двинуться в тыл, опустошая все на своем пути. В деревне происходил стихийный захват земель и помещичьего инвентаря. Несколько уездов были об'явлены на военном положении. Немцы продолжали наступательные действия, взяли Ригу и угрожали Петрограду. Правое крыло буржуазии открыто злорадствовало по поводу опасности, угрожавшей революционной столице. Из Петрограда эвакуировали правительственные учреждения, правительство Керенского собиралось переселиться в Москву. Все это делало созыв Учредительного Собрания не только гадательным, но и мало вероятным. С этой точки зрения октябрьский переворот представлялся спасением Учредитель-

ного Собрания, как и вообще спасением революции. И когда мы говорили, что дверь к Учредительному Собранию ведет не чрез предпарламент Церетели, а чрез захват власти Советами, мы были вполне искренни.

Но бесконечное отсрочивание созыва Учредительного Собрания не прошло бесследно для этого учреждения. Провозглашенное в первые дни революции, оно появилось на свет по истечении 8—9-месячной ожесточенной борьбы классов и партий. Оно явилось слишком поздно, чтобы иметь возможность играть творческую роль. Его внутренняя несостоятельность предопределялась одним фактом, который сперва мог казаться незначительным, но который в дальнейшем получил огромное значение для судьбы Учредительного Собрания. Главной по численности партией революции в первую эпоху была партия социалистов-революционеров. Мы уже говорили выше об ее бесформенности и пестром социальном составе. Революция неизбежно вела к внутреннему расчленению тех рядов, которые выступали под народническим знаменем. Все больше отделялось левое крыло, ведшее за собой часть рабочих и широкие слои крестьянской бедноты. Это крыло попадало в непримиримую оппозицию к мелко-и средне-буржуазным верхам партии социалистов-революционеров. Но косность партийной организации и партийных традиций задерживала неизбежный процесс раскола. Пропорциональная система выборов покоится, как известно, целиком на партийных списках. Так как списки были составлены за 2 и за 3 месяца до октябрьского переворота и не подлежали изменению, то левые и правые социа-

листы-революционеры фигурировали вперемежку под знаменем одной и той же партии. Таким образом к моменту октябрьского переворота, то-есть в тот период, когда правые социалисты-революционеры арестовывали левых, а левые примыкали к большевикам для ниспровержения министерства соц.-рев. Керенского, старые списки сохраняли всю свою обязательность, и на выборах в Учредительное Собрание крестьянские массы вынуждались отдавать свои голоса за списки, где в первых рядах стояло имя Керенского, а далее имена левых, участвовавших в заговоре против Керенского. Если месяцы, предшествовавшие октябрьскому перевороту, были временем непрерывного полевения масс, стихийного прилива рабочих, солдат и крестьян к большевикам, то внутри партии социалистов-революционеров этот процесс выражался в усилении левого крыла за счет правого. Между тем, в партийных списках социалистов-революционеров на три четверти господствовали старые деятели правого крыла, успевшие совершенно израсходовать всю революционную репутацию в эпоху коалиции с либеральной буржуазией. К этому надо прибавить еще то обстоятельство, что самые выборы происходили в течение первых недель, следовавших за октябрьским переворотом. Весть о перемене сравнительно медленно расходилась кругами из столиц в провинцию, из городов по деревням. Крестьянские массы отдавали себе во многих местах крайне смутный отчет в том, что происходило в Петрограде и Москве. Они голосовали за «землю и волю», за своих представителей в земельных комитетах, в большинстве случаев стоявших

под народническим знаменем, но тем самым они голосовали за Керенского и Авксентьева, которые распускали земельные комитеты и арестовывали их членов. В результате этого получился тот невероятный политический парадокс, что одна из двух партий, распускавших Учредительное Собрание, именно левые социалисты-революционеры, прошла по общим спискам с той партией, которая дала большинство Учредительному Собранию. Эта фактическая сторона дела дает совершенно ясное представление о том, в какой мере Учредительное Собрание отстало от развития политической борьбы и партийных группировок. Остается рассмотреть принципиальную сторону вопроса.

ПРИНЦИПЫ ДЕМОКРАТИИ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

Как марксисты, мы никогда не были идолопоклонниками формальной демократии. В классовом обществе демократические учреждения не только не устраняют классовой борьбы, но и дают классовым интересам крайне несовершенное выражение. У имущих классов всегда остаются в распоряжении десятки и сотни средств фальсифицировать, подтасовывать и изнасиловать волю трудящихся народных масс. Еще менее совершенным аппаратом для выражения классовой борьбы являются учреждения демократии

в условиях революции. Маркс назвал революцию «локомотивом истории». Благодаря открытой непосредственной борьбе за власть, трудящиеся массы в короткий период накопляют много политического опыта и быстро переходят в своем развитии с одной ступени на другую. Тяжеловесный механизм демократических учреждений тем меньше поспевает за этой эволюцией, чем огромнее страна, и чем менее совершенен ее технический аппарат.

Большинство в Учредительном Собрании оказалось за правыми социалистами-революционерами. Согласно парламентарной механике, им должна была бы принадлежать государственная власть. Но партия правых социалистов-революционеров имела возможность получить эту власть в течение всего дооктябрьского периода революции. Однако она уклонялась от власти, передавая львиную долю ее либеральной буржуазии, и именно вследствие этого она—к тому моменту, когда численный состав Учредительного Собрания формально обязывал ее образовать правительство,—утратила последние остатки своего кредита в самых революционных частях народа. Рабочий класс, а вместе с ним красная гвардия был глубоко враждебен партии правых социалистов-революционеров. Подавляющее большинство армии поддерживало большевиков. Революционный элемент деревни разделял свои симпатии между левыми социалистами-революционерами и большевиками. Матросы, игравшие такую крупную роль в событиях революции, шли почти безраздельно за нашей партией. Из Советов, которые в октябре, т.-е. до созыва Учредительного Собрания,

взяли в свои руки власть, правые социалисты-революционеры оказались вынужденными уйти. На кого могло бы опираться министерство, выдвинутое большинством Учредительного Собрания? За ним стояли бы верхи деревни, интеллигенция, чиновничество; справа оно находило бы до поры до времени поддержку со стороны буржуазии. Но у такого правительства не было бы совершенно материального аппарата власти. В средоточиях политической жизни, как Петроград, оно с первых же шагов наткнулось бы на непримиримое сопротивление. Если бы при этих условиях Советы, подчиняясь формальной логике демократических учреждений, предоставили власть партии Керенского и Чернова, эта власть, скомпрометированная и бессильная, внесла бы только временное замешательство в политическую жизнь страны, чтобы быть низвергнутой новым восстанием через несколько недель. Советы решили свести этот запоздалый исторический эксперимент к минимуму и распустили Учредительное Собрание в тот самый день, как оно собралось.

По этому поводу наша партия подвергалась жесточайшим обвинениям. Разгон Учредительного Собрания произвел несомненно неблагоприятное впечатление и на руководящие круги социалистических партий Запада. Там в этом политически неизбежном и необходимом акте увидели партийный произвол, кружковое самоуправство. Каутский в ряде статей, со свойственным ему педантизмом, раз'яснял взаимоотношение между социально-революционными задачами пролетариата и режимом политической демократии. Он доказывал, что для рабочего класса соблюдение основ демо-

кратического строя в последнем счете всегда оказывается выгодным. Это, разумеется, в общем и целом совершенно правильно. Но Каутский свел эту историческую истину к профессорской банальности. Если для пролетариата в последнем счете выгодно вводить свою классовую борьбу и даже свою диктатуру в рамки учреждений демократии, то это вовсе не значит, что история всегда предоставляет ему возможность достигнуть такого сочетания. Из теории марксизма отнюдь не вытекает, будто история всегда создает такие условия, которые наиболе «выгодны» для пролетариата. Трудно сейчас предсказать, как сложилось бы развитие революции, если бы Учредительное Собрание было созвано на 2-м или на 3-м месяце ее. Весьма вероятно, что господствовавшие тогда партии социалистов-революционеров и меньшевиков скомпрометировали бы себя вместе с Учредительным Собранием в глазах не только наиболее активных слоев, поддерживавших Советы, но и в глазах более отсталых демократических масс, которые своими надеждами оказались бы связанными не с Советами, а с Учредительным Собранием. В этих условиях роспуск Учредительного Собрания мог бы привести к новым выборам, в которых партии левого крыла могли бы оказаться в большинстве. Но развитие пошло другими путями. Выборы в Учредительное Собрание происходили на девятом месяце революции. К этому моменту классовая борьба достигла такого напряжения, что внутренним напором она разорвала формальные рамки демократии. Пролетариат вел за собою армию и крестьянские низы. Эти классы находились в со-

стоянии прямой и ожесточенной борьбы с правыми социалистами-революционерами. А эта партия, благодаря тяжеловесной механике демократических выборов, оказалась в Учредительном Собрании в большинстве, отражая дооктябрьскую эпоху революции. Получилось противоречие, совершенно не разрешимое в рамках формальной демократии. И только политические педанты, которые не отдают себе отчета в революционной логике классовых отношений, могут пред лицом после-октябрьской ситуации читать пролетариату банальные наставления о выгодах и преимуществах демократии для дела классовой борьбы.

Вопрос был поставлен историей гораздо более конкретно и остро. Учредительное Собрание по составу своего большинства должно было передать власть группе Чернова, Керенского, Церетели. Могла ли эта группа руководить революцией? Могла ли она найти опору в том классе, который является становым хребтом революции? Нет. Реальное классовое содержание революции непримиримо столкнулось с ее демократической скорлупой. Этим самым судьба Учредительного Собрания была предопределена. Роспуск его представлялся единственным мыслимым хирургическим выходом из противоречия, которое было создано не нами, а всем предшествовавшим развитием событий.

БРЕСТСКИЙ ЭТАП

Вид Брест-Литовска.

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

В историческом ночном заседании 2-го Всероссийского С'езда Советов был принят напечатанный в приложении декрет о мире. В тот момент Советская власть только утверждалась в важнейших пунктах страны, а число веривших в ее силу за границей было совершенно ничтожно. Мы приняли на С'езде декрет единогласно, но это казалось многим лишь политической демонстрацией. Соглашатели твердили на всех перекрестках, что практических результатов наша революция не даст, ибо, с одной стороны, нас не признают и с нами не захотят говорить германские империалисты, а с другой — нам об'явят войну за вступление в сепаратные переговоры о мире наши союзники. Под знаком этих предсказаний совершались наши первые шаги в пользу всеобщего демократического мира. Декрет был принят 26-го октября, когда Керенский и Краснов были у самых ворот Петрограда, а 7-го ноября мы по радиотелеграфу уже обратились к нашим союзникам и противникам с предложением заключить всеобщий мир. В ответ на это союзные правительства через своих военных агентов обратились к тогдашнему главнокомандующему генералу Духонину с заявлением, что дальнейшие шаги по пути ведения сепаратных переговоров о мире

поведут за собою тягчайшие последствия. Мы ответили на этот протест 11-го ноября воззванием ко всем рабочим, солдатам и крестьянам, и в этом воззвании мы заявили, что ни в коем случае не допустим, чтобы наша армия проливала свою кровь из-под палки иностранной буржуазии. Мы отмели угрозы западных империалистов и приняли на себя всю ответственность за политику мира перед лицом международного рабочего класса. Прежде всего мы, во исполнение наших принципиальных обещаний, опубликовали тайные договоры и заявили, что отметаем в них все, что противоречит интересам народных масс всех стран. Капиталистические правительства попытались использовать наши разоблачения друг против друга. Но народные массы поняли нас и признали. Ни одна социал-патриотическая газета не осмелилась, насколько мы знаем, протестовать против факта коренного изменения рабочим и крестьянским правительством всех методов дипломатии, против того, что мы отказались от всех ее подлостей и бесчестных шашней. Мы поставили задачей нашей дипломатии — просветить народные массы, открыть им глаза на сущность политики их правительств и спаять их в борьбе и в ненависти к буржуазно-капиталистическому строю. Немецкая буржуазная печать обвиняла нас в том, что мы «затягиваем» переговоры; но все народы с жадным вниманием прислушивались к брест-литовскому диалогу, и этим была в течение двух с половиною месяцев мирных переговоров оказана делу мира услуга, которая была признана и более честными из наших врагов. Впервые был поставлен вопрос о мире в такую

Прибытие военной русской делигации в Брест-Литовск, направо Л. Д. Троцкий, налево Л. М. Кархан и А. А. Иоффе.

плоскость, когда он уже не мог быть смазан какими бы то ни было закулисными махинациями. 22-го ноября нами было подписано соглашение о приостановлении военных действий на всем фронте, от Балтийского моря до Черного. Мы снова обратились к союзникам с предложением присоединиться к нам и вместе с нами вести мирные переговоры. Ответа мы не дождались, хотя союзники уже не пытались на этот раз пугать нас угрозами. Мирные переговоры начались 9-го декабря—через полтора месяца после принятия декрета о мире, и потому лживыми являются обвинения против нас продажной и социал-предательской печати в том, что мы не пытались сговориться с союзниками. Мы в течение полутора месяцев оповещали их о каждом нашем шаге и неизменно призывали их присоединиться к мирным переговорам. Наша совесть чиста перед народами Франции, Италии, Англии... Мы сделали все, что было в наших силах, для привлечения к мирным переговорам всех воюющих стран. Вина за то, что мы вынуждены были вступить в сепаратные переговоры о мире, падает не на нас, а на западных империалистов, а также на те русские партии, которые все время предсказывали рабочему и крестьянскому правительству России скорую смерть и уговаривали союзников не брать в серьез нашей мирной инициативы. Так или иначе, 9-го декабря начались мирные переговоры. Наша делегация внесла принципиальное заявление, которое характеризовало основы всеобщего демократического мира в точных выражениях декрета 26-го октября—8-го ноября. Противная сторона потребовала перерыва заседания, при чем возобновле-

ние работ, по предложению Кюльмана, откладывалось все далее и далее. Было ясно, что делегации четверного союза испытывают немалые затруднения при формулировке ответа на нашу декларацию. 25-го декабря этот ответ был дан. Дипломаты четверного союза присоединились к демократической формуле мира—без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов. Для нас было совершенно ясно, что это—лишь лицемерие. Но мы даже не ожидали от них проявления лицемерия, потому что, как сказал один французский писатель, лицемерие является той данью, которую порок платит добродетели. И то, что германский империализм счел необходимым принести эту дань демократическим принципам, свидетельствовало в наших глазах о том, что положение внутри Германии достаточно серьезно... Но если мы, вообще говоря, не делали себе иллюзий насчет демократизма гг. Кюльмана и Чернина,—для этого мы достаточно хорошо знали природу германских и австро-венгерских правящих классов,—то нужно все же признать, что мы не допускали той пропасти, которая, как выяснилось через несколько дней, отделяла действительные предложения германского империализма от тех формул, которые были пред'явлены на 25-е декабря г. фон-Кюльманом, в качестве плагиата у русской революции. Такого бесстыдства мы не ожидали...

На рабочие массы России ответ Кюльмана произвел огромное впечатление. Он истолковывался как результат страха командующих классов центральных империй перед недовольством и возрастающим нетерпением рабочих масс Герма-

Группа членов и консультантов русской делегации. Стоят слева: капитан В. Линский (военный консультант), П. И. Стучка (консультант по национальным вопросам) Л. Д. Троцкий, Л. М. Карахан. Сидят: Л. Б. Каменев, А. А. Иоффе, А. А. Биценко—(представительница партии левых соц.-рев.) в делегации второго периода с 9-го января (27 декабря)—1918 г. по 10 февраля (28 января)—1918 г.

нии. 28-го декабря в Петрограде произошла колоссальная рабочая и солдатская демонстрация в честь демократического мира. А на другое утро вернулась из Брест-Литовска наша делегация и привезла нам те грабительские требования, которые г. фон-Кюльман пред'явил нам от имени центральных империй, в истолкование своих «демократических» формул. Может показаться на первый взгляд, непонятным, на что собственно рассчитывала германская дипломатия, пред'являя свои демократические формулы только за тем, чтобы через 2—3 дня проявить свои волчьи аппетиты. По меньшей мере рискованными представляются те теоретические прения, которые развернулись вокруг демократических формул, в значительной мере по инициативе самого Кюльмана. Что на этом пути дипломатия центральных империй не может пожать больших лавров, это должно было быть заранее ясным прежде всего для нее самой. Но секрет поведения дипломатии Кюльмана состоял в том, что этот господин был искренне убежден в нашей готовности играть с ним в четыре руки. Он рассуждал при этом приблизительно так: России мир необходим. Большевики получили власть, благодаря своей борьбе за мир. Большевики хотят удержаться у власти. Это для них осуществимо только при условии заключения мира. Правда, они связали себя определенной демократической программой мира. Но зачем же существуют на свете дипломаты, как не для того, чтобы выдавать черное за белое? Мы, немцы, облегчим большевикам положение, прикрывши наши хищения декоративными формулами. У большевистской дипломатии будет достаточно

оснований не докапываться до политической сути дела или, вернее, не раскрывать содержания заманчивых формул перед глазами всего мира... —Кюльман надеялся, другими словами, на молчаливое соглашение с нами: он возвратит нам наши хорошие формулы, мы дадим ему возможность без протеста заполучить в распоряжение Германии провинции и народы. В глазах немецких рабочих насильственный захват получит, таким образом, санкцию русской революции. Когда мы показали во время прений, что для нас дело идет не о пустых словах и не о декоративном прикрытии закулисной сделки, а о демократических принципах сожительства народов, Кюльман воспринял это, как злонамеренное нарушение молчаливого договора. Он ни за что не хотел сходить с позиции формулы 25-го декабря, полагаясь на свою изощренную бюрократически-юридическую логику, старался на глазах всего мира показать, что белое ничем не отличается от черного и что только наша злая воля заставляет нас настаивать на этом различии. Граф Чернин, представитель Австро-Венгрии, играл в этих переговорах роль, которую никто не назовет внушительной или достойной. Он неуклюже секундировал и по поручению Кюльмана брал на себя во все критические моменты внесение наиболее резких и циничных заявлений. Генерал Гофман вносил в переговоры освежающую ноту. Не обнаруживая большой симпатии к дипломатическим конструкциям Кюльмана, генерал несколько раз клал свой солдатский сапог на стол, вокруг которого развертывались сложные юридические прения. Мы, с своей стороны, ни на минуту не сомневались, что именно

Группа членов делегации Четверного Союза. На переднем плане, справа, генерал Гофман, граф Чернин, Талаат-паша (убитый в 1921 г. в Берлине армянским террористом), фон-Кюльман, Попов (от Болгарии).

сапог генерала Гофмана является единственно серьезной реальностью в этих переговорах.

Великим козырем в руках г. Кюльмана являлось участие в переговорах делегации Киевской рады. Для ставших у власти украинских мещан делом решающей важности казалось «признание» их капиталистическими правительствами Европы. Сперва рада предлагала себя в распоряжение союзных империалистов, получила от них некоторые суммы на карманные расходы, а затем отправила своих представителей в Брест-Литовск для того, чтобы за спиной народов России выторговать у австро-германского правительства признание своей государственной законорожденности. Едва вступив на путь «международного» существования, киевская дипломатия обнаружила тот же кругозор и тот же нравственный уровень, какие всегда характеризовали мелкотравчатых политиков Балканского полуострова. Господа Кюльманы и Чернины не делали себе, конечно, никаких иллюзий насчет солидности нового участника переговоров. Но они правильно учитывали, что при участии киевской делегации игра осложняется не без выгоды для них.

При первом своем появлении в Брест-Литовске киевская делегация характеризовала Украину, как составную часть формирующейся Российской Федеративной Республики. Это явно затрудняло работу центральных дипломатов, которые увидели свою главную задачу в том, чтобы превратить Российскую Республику в новый Балканский полуостров. При своем вторичном появлении делегаты рады заявили под диктовку австро-германской дипломатии, что отныне Украина отка-

зывается входить в Российскую федерацию и становится совершенно независимой республикой.

Чтобы дать возможность читателям яснее и нагляднее понять то положение, которое создалось для Советской власти в последний момент мирных переговоров, я считаю целесообразным воспроизвести здесь в основных частях ту речь, которую автор настоящих строк, в качестве Народного Комиссара по Иностранным Делам, произнес в заседании Центрального Исполнительного Комитета 14-го февраля 1918 г.

РЕЧЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ.

Товарищи! Советской России приходится не только строить новое, но и подводить итоги старого, до известной степени,—и при том до очень высокой—расплачиваться по старым счетам, прежде всего по счетам войны, которая длилась $3^1/_2$ года. Война явилась испытанием экономического могущества воюющих стран. Для России, как страны более бедной, более отсталой, участь при затяжной войне была предрешена. В могущественном столкновении военных аппаратов в последнем счете решала способность страны приспособить свою промышленность к военным потребностям, перестроить ее в кратчайший срок и в возрастающем количестве воспроизводить орудия истребления, которые изнашивались с такой быстротой в течение этой бойни народов. Каждая, или почти каждая, страна, в том числе и очень отсталая, могла в начале войны иметь могущественные орудия истребления, то-есть могла получить их на внешнем рынке. Так и делали все отсталые страны, так же поступала и Россия. Но

Здание бывшего офицерского собрания, где происходили заседания мирной конференции.

война быстро изнашивает свой мертвый капитал и требует его постоянного воспроизведения. Военное могущество каждой отдельной страны, вовлеченной в круговорот мировой бойни, измерялось на деле ее способностью самостоятельно воспроизводить во время войны пушки и снаряды и другие орудия истребления.

Если бы война разрешила проблему соотношения сил в кратчайший срок, то и для России оставалась бы теоретическая возможность оказаться по ту сторону траншей, где оказалась бы победа. Но война затянулась надолго и затянулась не случайно. Уже одно то, что вся международная политика за последнее полустолетие сводилась к построению так называемого европейского «равновесия», то-есть к тому, чтобы враждебные силы приблизительно уравновешивались, должно было, при могуществе современных буржуазных наций, придать войне крайне затяжной характер. Это в первую очередь обозначало истощение более слабых, менее развитых в экономическом отношении стран.

Самой могущественной в военном отношении и оказалась Германия, благодаря могуществу своей индустрии, благодаря современному, новому, рациональному строю этой индустрии при архаическом строе государства. Франция со своим мелкобуржуазным, в значительной мере, хозяйственным укладом оказалась далеко отстоящей от Германии, и даже могущественная колониальная держава, как Англия, благодаря более консервативному, рутинному характеру своей промышленности, оказалась более слабой по сравнению с Германией. Когда история поставила перед Русской революцией вопрос о мирных переговорах, для нас было несомненно, что в этих переговорах, доколе в них не вмешалась решающая сила мирового революционного пролетариата, мы должны будем расплачиваться по счетам 3½-летней войны. Для нас было несомненно, что в лице германского империализма мы имеем противника, который пропитан сознанием своей колоссальной силы, столь ярко обнаружившейся во время настоящей войны.

Все те соображения, развиваемые буржуазными кликами, будто мы были несравненно сильнее, если бы

вели эти переговоры совместно с нашими союзниками, являются в корне несостоятельными. Для того, чтобы в неопределенном будущем вести переговоры совместно с нашими союзниками, мы должны были бы прежде всего продолжать войну совместно с союзниками, а если страна наша истощена и ослаблена, то именно продолжение войны, а не ее прекращение еще более ослабляло бы и истощало страну. Нам пришлось бы подводить итоги войны в условиях еще менее благоприятных для нас. Если бы даже оказалось, что тот лагерь, в состав которого Россия введена международными комбинациями царизма и буржуазии,—лагерь, во главе которого стоит Великобритания, если бы оказалось, что этот лагерь вышел из войны вполне победоносным—допустим на минуту этот маловероятный исход—это вовсе не значило бы, товарищи, что наша страна вышла бы победоносной. Ибо при дальнейшей затяжной войне Россия внутри победоносного лагеря оказалась бы еще более истощена и разорена, чем сейчас. Хозяева этого лагеря, которые сосредоточили бы в своих руках плоды победы, т. е. Англия и Америка, обнаружили бы по отношению к нашей стране те самые приемы, которые обнаружила в мирных переговорах Германия. Было бы нелепым и жалким ребячеством исходить в оценке политики империалистических стран из других соображений, кроме соображений голого интереса и материальной силы. Стало-быть, если мы сейчас, как страна, пред лицом мирового империализма ослаблены, то ослаблены не тем, что вырвали себя из огненного кольца войны, предварительно вырвав себя из тисков международных военных обязательств,—нет, мы обессилены той самой политикой царизма и буржуазных классов, против которой мы боролись, в качестве революционной партии, до настоящей войны и во время войны.

Вы помните, товарищи, при каких условиях ваша делегация выезжала в Брест-Литовск в последний раз непосредственно с одного из заседаний 3-го Всероссийского С'езда Советов. Тогда мы докладывали вам о состоянии переговоров и требованиях противной сторо-

В зале заседаний.

ны. Эти требования, как вы помните, сводились к замаскированным, вернее, полузамаскированным аннексионистским вожделениям на Литву, Курляндию, часть Лифляндии, Моозундские острова и к полузамаскированной контрибуции, которую мы тогда исчисляли в 6—8, даже в 10 миллиардов рублей. Во время перерыва, который длился около 10 дней, в Австро-Венгрии разыгралось крупное брожение, вспыхнули стачки рабочих масс, и эти стачки были тем первым признанием нашего метода вести мирные переговоры, которые мы встретили со стороны пролетариата центральных империй перед лицом аннексионистских требований германского милитаризма. Какими жалкими являются утверждения буржуазной печати, когда она говорит, что нам необходимо было два месяца разговаривать с Кюльманом, чтоб узнать, что германский империализм пред'явит грабительские условия. Нет, это мы знали заранее. Но из «разговоров» с представителями германского империализма мы старались сделать средство для увеличения тех сил, которые борются с германским милитаризмом. Мы здесь не обещали никаких чудес, но мы утверждали, что тот путь, по которому мы идем, есть единственный путь, который остается у революционной демократии для того, чтобы обеспечить за собою возможность дальнейшего своего развития.

Можно жаловаться, что пролетариат других стран, и, в частности, центральных империй, слишком медленно переходит на путь открытой революционной борьбы,—да, темп его развития должен быть признан слишком медленным,—но все-таки в Австро-Венгрии наблюдалось движение, которое получило общегосударственный размах и которое явилось прямым и непосредственным откликом на брестские переговоры.

Уезжая отсюда, мы говорили вместе с вами, что у нас нет оснований утверждать, что именно эта волна снесет австро-германский милитаризм. Если бы мы в этом были убеждены, мы, разумеется, очень охотно дали бы то обещание, которого от нас требовали некоторые лица,—что мы ни в коем случае не подпишем сепаратного договора с Германией. Я сказал

тогда же, что такого обещания мы дать не можем, ибо это значило бы взять на себя обязательство победить германский милитаризм. Секрета такой победы у нас не было в руках. И поскольку мы не могли обязаться изменить соотношение мировых сил в кратчайший срок, мы открыто и честно заявили, что революционная власть может оказаться при известных условиях вынужденной принять аннексионистский мир. Ее падение начиналось бы там, где она пыталась бы скрыть от собственного народа хищнический характер мира, а не там, где она оказалась бы по ходу борьбы вынужденной его принять.

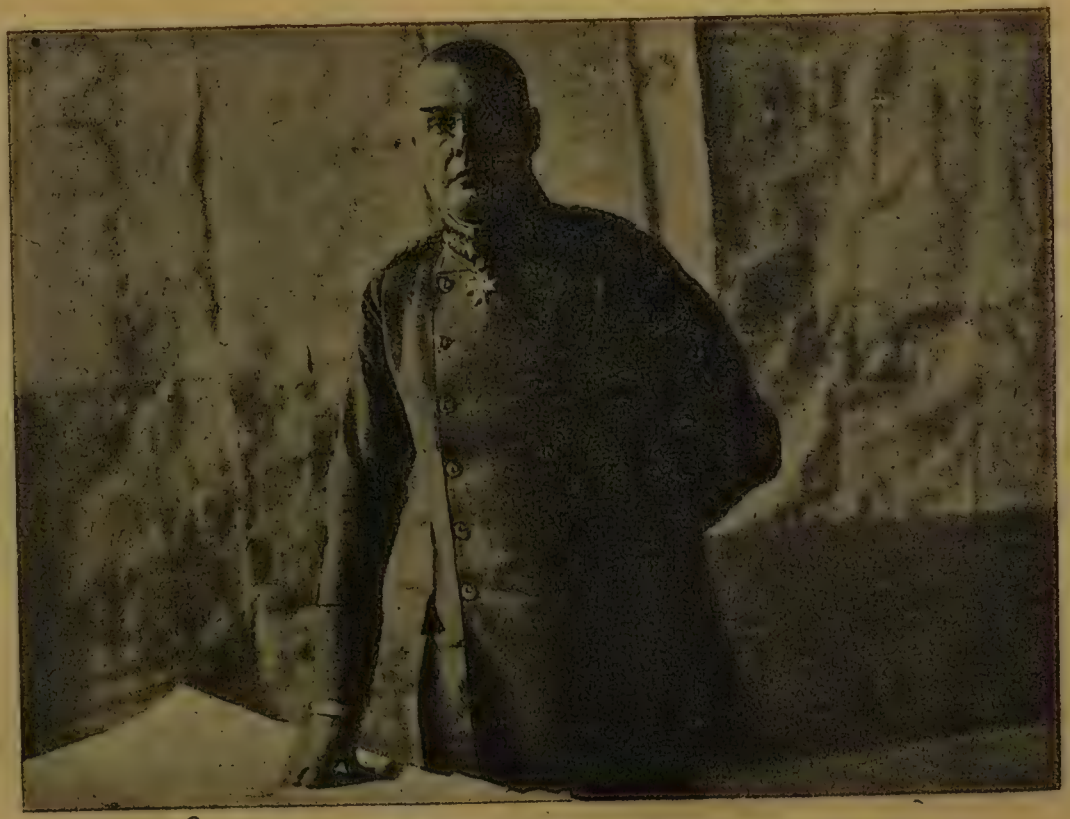
Но вместе с тем мы указывали, что мы уезжали для продолжения переговоров в условиях, которые как бы улучшаются для нас и ухудшаются для наших врагов. Мы наблюдали движение в Австро-Венгрии, и многое говорило за то,—на это ссылались и представители германской социал-демократии в рейхстаге,—что Германия находилась у преддверия подобных же событий. Мы ехали с этой надеждой. И в первые же дни нашего нового пребывания в Бресте, радиотелеграф принес нам через Вильну первые вести о том, что в Берлине развернулось огромное стачечное движение, которое, как и в Австро-Венгрии, прямо и непосредственно было связано с ходом переговоров в Бресте. Однако, как это часто бывает в силу диалектики классовой борьбы, именно широкий размах пролетарского выступления, какого Германия еще никогда не видала, должен был толкнуть имущие классы к более тесному сплочению и к большей непримиримости. Германские правящие классы пропитаны достаточно твердым инстинктом самосохранения, чтобы отдавать себе отчет в том, что уступки в том положении, в каком они находились, теснимые собственными народными массами, уступки, хотя бы частичные, означали бы капитуляцию перед идеей революции. И вот почему после первого периода растерянности, когда Кюльман сознательно оттягивал переговоры, не назначая заседаний или расходуя их на второстепенные формальные вопросы, как только стачка была ликвидирована, как только он убедился,

Статс-секретарь по иностранным делам Германии фон-Кюльман—руководитель германской делегации на Брест-Литовских переговорах.

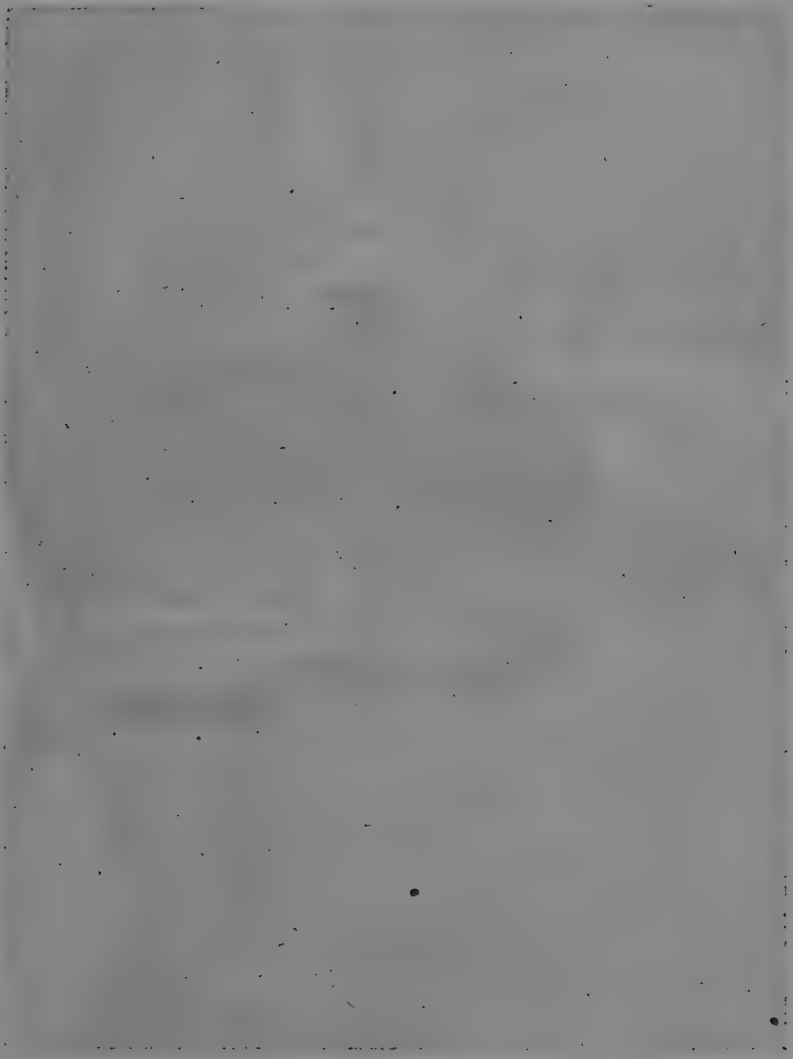
что в данный момент его хозяевам не грозит смертельная опасность, он вернулся к тону полной самоуверенности и удвоенной агрессивности.

Переговоры наши осложнились участием Киевской рады. Мы докладывали об этом и в прошлый раз, что делегация Киевской рады явилась в тот момент, когда рада представляла собою довольно сильную организацию на Украине, и когда исход борьбы не был предопределен. Как раз в тот момент мы сделали раде официальное предложение заключить с нами определенный договор, при чем в качестве условий такого договора мы выдвигали одно требование: чтобы рада признала Каледина и Корнилова контр-революционерами и не мешала нам вести с ними борьбу. Делегация Киевской рады приехала в тот момент, когда мы надеялись достигнуть с нею соглашения и там и здесь. И там мы заявили, что до тех пор, пока украинский народ ее признает, мы ее считаем возможным допустить в качестве самостоятельного участника в этих переговорах. Но чем больше развивались события на территории России и Украины, чем глубже становился антагонизм между украинскими низами и радой, тем больше становилась готовность рады заключить с правительствами центральных империй любой мир и, если нужно, привлечь к участию во внутренних делах Российской Республики германский империализм, чтобы поддержать раду против российской революции. 9-го февраля нового стиля мы узнали, что ведшиеся за нашей спиной мирные переговоры между радой и центральными державами подписаны. 9-ое февраля,—это день рождения Леопольда Баварского, и как это принято в монархических странах, торжественный исторический акт был приурочен—не знаю с согласия ли Киевской рады—к этому торжественному дню. Генерал Гофман салютовал в честь Леопольда Баварского, при чем предварительно спрашивал разрешения на эти салюты у Киевской делегации, так как согласно мирному договору, Брест-Литовск отошел к Украине. События сложились, однако, так, что в тот момент, когда генерал Гофман спрашивал разрешения на пушечный салют, у Киевской

рады, за вычетом Брест-Литовска, оставалось уже очень не много территорий. На основании тех телеграмм, которые мы получили из Петрограда, мы официально поставили делегации центральных империй в известность о том, что Киевской рады больше не существует, каковое обстоятельство отнюдь не безразлично для хода мирных переговоров. Мы предлагали графу Чернину послать в сопровождении наших офицеров своих представителей на территорию Украины посмотреть, существует или не существует его контрагент—Киевская рада. Чернин ухватился за это как будто бы, но когда мы поставили ему вопрос, означает ли это, что договор с киевской делегацией не будет подписан до возвращения его собственных посланцев, то тут он усомнился и обещал запросить об этом Кюльмана, а запросив, прислал нам отрицательный ответ. Это было 8-го февраля,—к 9-му им необходимо было подписать договор, это не терпело никакого отлагательства, не только из-за дня рождения Леопольда Баварского, но по более серьезной причине, которую Кюльман несомненно раз'яснил Чернину: «Если мы сейчас пошлем наших представителей на Украину, то они могут и впрямь убедиться, что рады не существует, и тогда мы окажемся пред лицом одной всероссийской делегации, а это ухудшит наши шансы в переговорах». Со стороны австро-венгерской делегации нам говорили: «Сойдите с почвы принципов, поставьте вопрос на более практическую почву,—тогда германская делегация пойдет на уступки... Не может быть, чтобы немцы пошли на продолжение войны, например, из-за Моозундских островов, если вы это требование выдвините конкретно». Мы ответили: «Что ж, мы готовы проэкзаменовать уступчивость наших коллег из германской делегации. До сих пор мы вели прения о самоопределении литовцев, поляков, лифляндцев, латышей, эстонцев и др. и по всем этим вопросам обнаружили, что о самоопределении не может быть и речи. Теперь посмотрим, что вы готовите самоопределению еще одного народа, именно русского, каковы помыслы и планы военно-стратегического характера, которые скрываются



Генерал-майор Гофман—военный руководитель Германской делегации.



за захватом вами Моозундских островов? Ибо Моозундские острова, как составная часть независимой эстонской республики или как собственность Федеративной Российской Республики, имеют значение оборонительное, а в руках Германии—наступательное, угрожающее самым жизненным центрам нашей страны и в особенности Петрограду». Но ни на какие уступки, само собою разумеется, Гофман не шел. Тогда настал час решения. Об'явить войну мы не могли. Мы оказались слишком слабы. Армия утратила внутреннюю связь. Нам для спасения нашей страны, для преодоления развала необходимо восстановить внутреннюю связь трудовых масс. Эта психологическая связь может воссоздаться только путем творческой работы на пашне, на заводе, в мастерской. Нам необходимо трудовые массы, которые были подвергнуты колоссальным страданиям, катастрофическим испытаниям на войне, вернуть на пашни, на завод, где они должны будут снова найти себя и упрочиться в труде, и воссоздать внутреннюю дисциплину. Это есть единственный путь спасения для страны, которая расплачивается сейчас за грехи царизма: «Мир, который вы нам навязываете, есть мир войны, и мы выводим армию из войны». Вместе с тем мы сказали перед лицом германского милитаризма: «Мир, который вы нам навязываете, есть мир насилия и грабежа. Мы не можем допустить того, чтобы вы, господа дипломаты, могли сказать немецким рабочим: «вы называли наши требования захватными, аннексионистскими, но смотрите—под этими требованиями мы привезли вам подпись русской революции». Да, мы слабы, мы не можем сейчас воевать, но у нас есть достаточно революционной силы, чтобы сказать, что мы не поставим добровольно нашей подписи под тем договором, который вы пишете вашим мечом на теле живых народов». Мы отказались поставить наши подписи, и я думаю, что мы правильно поступили, товарищи. (Р у к о п л е с к а н и я).

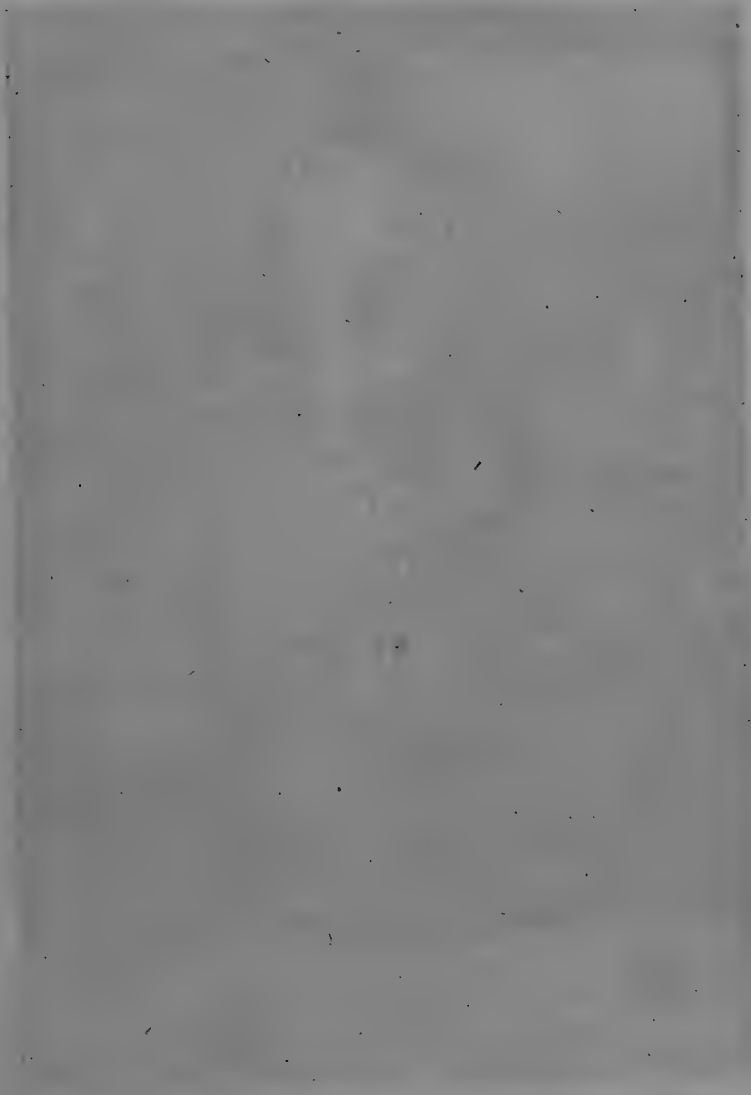
Товарищи, я не хочу сказать, что наступление Германии против нас исключено. Такое заявление было

бы слишком рискованно, если иметь в виду могущество германской империалистической партии. Но я думаю, что позиция, которую мы заняли в этом вопросе, в очень большой степени затруднила германскому милитаризму наступление Что было бы, если бы он все же наступал? На это мы можем сказать только одно: если в нашей стране, истощенной, доведенной до отчаянного состояния, если в нашей стране можно поднять дух наиболее революционных, жизнеспособных элементов, если возможна у нас борьба за защиту нашей революции и территории этой революции, то только в результате того положения, которое создалось сейчас, в результате нашего выхода из войны и нашего отказа подписать мирный договор. (Рукоплескания).

ВТОРАЯ ВОЙНА И ПОДПИСАНИЕ МИРА.

Германское правительство в первые дни после разрыва мирных переговоров колебалось, не зная, какой избрать путь. Политики и дипломаты считали, повидимому, что главное достигнуто и что нет основания гоняться за нашими подписями. Военные готовы были во всяком случае взорвать рамки, намеченные немецким правительством в Брест-литовском договоре. Профессор Кригге, советник немецкой делегации, говорил одному из членов нашей делегации, что о наступлении немецких войск на Россию при создавшихся условиях не может быть и речи. Граф Мирбах, стоявший тогда во главе немецкой миссии в Петрограде, уехал в Берлин с заверением, что согла-

Генерал-фельдмаршал, принц Леопольд Баварский,
Главнокомандующий армиями Восточного фронта.



шение относительно обмена военнопленных достигнуто. Все это нисколько не помешало генералу Гофману об'явить—на пятый день после прекращения брестских переговоров—перемирие законченным, при чем семидневный срок исчислялся им задним числом, с момента последнего заседания в Брест-Литовске. Было бы поистине неуместным расточать здесь нравственное негодование по поводу этого бесчестия: оно как нельзя лучше укладывается в общие рамки дипломатической и военной морали господствующих классов.

Новое немецкое наступление развернулось в условиях, убийственных для России. Вместо обусловленного предупреждения за неделю мы получили предупреждение только за два дня. Это обстоятельство усугубило панику в рядах армии, находившейся в состоянии хронического распада. О сопротивлении почти не могло быть и речи. Солдаты не хотели верить, что немцы будут наступать после того, как мы об'явили состояние войны прекращенным. Паническое отступление парализовало волю даже тех отдельных отрядов, которые готовы были занять боевые позиции. В рабочих кварталах Петрограда и Москвы негодование против вероломного и поистине разбойничьего немецкого нашествия достигло высшего напряжения. Рабочие готовы были десятками тысяч записываться в армию в те тревожные дни и ночи. Но организационная сторона дела оставалась далеко позади. Отдельные партизанские отряды, полные воодушевления, убеждались в своей несостоятельности при первых же серьезных стычках с немецкими регулярными частями. Отсюда дальнейший упадок духа. Старая армия

была давно уже поражена смертельно и распадалась на части, загромождая все пути и перепутья. Новая армия в условиях общего истощения страны, страшного расстройства промышленности и транспорта складывалась слишком медленно. Единственным серьезным препятствием на пути немецкого нашествия являлось пространство...

Главное внимание австро-венгерского правительства было устремлено на Украину. Рада обратилась через свою делегацию к правительствам центральных империй с прямой просьбой о военной помощи против Советов, которые тем временем одержали полную победу на всей территории Украины. Таким образом украинская мелкобуржуазная демократия в борьбе с рабочим классом и крестьянской беднотой добровольно открыла ворота иноземному нашествию.

Одновременно правительство Свинхувуда искало помощи немецких штыков против финляндского пролетариата. Германский милитаризм брал на себя открыто, пред лицом всего мира, роль палача рабочей и крестьянской революции в России.

В рядах нашей партии поднялись острые прения о том, должны ли мы в этих условиях подчиняться немецкому ультиматуму и подписать новый договор, который—в этом никто из нас не сомневался—будет заключать в себе условия, несравненно более отяготительные, чем те, какие были нам пред'явлены в Брест-Литовске. Представители одного течения считали, что сейчас, при наличности вооруженного вмешательства немцев во внутреннюю борьбу на территории Республики, немыслимо создать состояние мира

для одной из частей России и оставаться пассивными в то время, как на юге и на севере немецкие войска будут восстановлять режим буржуазной диктатуры. Другое течение, во главе которого стоял Ленин, находило, что всякая отсрочка, всякая, даже короткая, передышка будет иметь большое значение для внутреннего упрочения и повышения обороноспособности России. После того, как перед всей страной и всем миром столь трагически обнаружилась наша неспособность в данный момент оборониться от неприятельского нашествия, заключение мира будет понято всюду, как действие, навязанное нам жестоким законом соотношения сил. Было бы ребячеством исходить из соображений отвлеченной революционной морали. Задача состоит не в том, чтобы с честью погибнуть, а в том, чтобы в конце-концов победить. Русская революция хочет жить, должна жить и обязана всеми доступными ей средствами уклониться от непосильного для нее боя и выигрывать время в ожидании того, как на помощь ей придет революционное движение Запада. Германский империализм находится еще в свирепой схватке с милитаризмом английским и американским. Только поэтому возможно заключение мира между Россией и Германией. Нужно это состояние использовать. Благо революции—высший закон! Нужно принять мир, который мы не в силах отклонить, нужно обеспечить себе передышку, чтобы использовать ее для напряженной работы внутри страны и, в частности, для создания армии.

На С'езде Коммунистической партии, как и на 4-м С'езде Советов, победу одержали сторон-

ники заключения мира. К ним присоединились многие из тех, кто в январе считал невозможным подписать Брест-литовский договор. «Тогда,—говорили они,—наше подписание было бы понято английскими и французскими рабочими, как жалкая капитуляция без попытки борьбы. Даже подлые инсинуации англо-французских шовинистов о закулисной сделке Советской власти с немцами могли бы, в случае подписания договора, встретить доверие в некоторых кругах западно-европейских рабочих. Но после того, как мы отказались подписать договор, после нового немецкого наступления, после попытки нашей дать ему отпор, после того, как наша военная слабость с ужасающей несомненностью обнаружилась перед всем миром, никто не посмеет нам бросить упрека в сдаче без боя».—Брест-литовский договор второго усугубленного издания был подписан и ратифицирован.

Тем временем на Украине и в Финляндии палачи совершали свою работу, чем дальше, тем больше угрожая самым жизненным центрам Великороссии. Таким образом, вопрос о самом существовании России, как независимой страны, неразрывно связан отныне с вопросом европейской революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Когда наша партия брала власть, мы знали заранее те трудности, которым идем навстречу. Экономически страна была истощена войной до последней степени. Революция разрушила старый

административный аппарат и не успела еще создать нового ему на смену. Миллионы рабочих сил были вырваны из хозяйственных ячеек страны, деклассированы и психически расшатаны трехлетней войной. Колоссальная военная промышленность на недостаточно подготовленном хозяйственном фундаменте поглощала жизненные соки народа, демобилизация ее была связана с величайшими затруднениями. Явления хозяйственной и политической анархии широко расползлись по стране. Русское крестьянство было в течение столетий спаяно стихийно варварской дисциплиной земли и придавлено сверху железной дисциплиной царизма. Экономическое развитие подкопало первую, революция разрушила вторую. Психологически революция означала пробуждение в крестьянской массе человеческой личности. Анархические формы этого пробуждения являлись неизбежным последствием предшествовавшего гнета. Придти к установлению нового порядка, основанного на контроле самих трудящихся над производством, можно только путем постепенного и внутреннего изживания анархических проявлений революции.

С другой стороны, имущие классы, даже отброшенные от власти, не хотят сдавать своих позиций без боя. Революция поставила ребром вопрос о частной собственности на землю и средствах производства, т.-е. о жизни и смерти эксплоатирующих классов. Политически это означает ожесточенную, непрерывную—то скрытую, то явную—гражданскую войну. В свою очередь гражданская война неизбежно питает анархические тенденции в движении трудящихся масс. При

расстройстве промышленности, финансового хозяйства, транспорта, продовольствия затяжная гражданская война создает, таким образом, колоссальные затруднения на пути творческой организаторской работы. Тем не менее Советская власть имеет право с полным доверием взирать на будущее. Только точный учет всех рессурсов страны, только рациональная, т.-е. исходящая из одного общего плана, организация производства, только разумное и бережливое распределение всех продуктов могут спасти страну. А это и есть социализм. Или окончательное падение на степень колонии, или социалистическое возрождение—такова альтернатива, перед которой поставлена наша страна.

Война минировала почву всего капиталистического мира. В этом наша непобедимая сила. Империалистическое кольцо, сжимающее нас будет взорвано пролетарской революцией. Мы ни на минуту не сомневаемся в этом, как в течение долгих десятилетий нашей подпольной борьбы мы не сомневались в неизбежности крушения царизма.

Бороться, сплачивать ряды, устанавливать трудовую дисциплину и социалистический порядок, повышать производительность труда и не пасовать ни перед какими препятствиями—таков наш пароль. История работает за нас. Пролетарская революция в Европе и Америке разразится днем раньше или позже и принесет избавление не только Украине, Польше, Литве, Курляндии и Финляндии, но и всему страждущему человечеству.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Вместо предисловия 7

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Мещанская интеллигенция в революции 11
Вопрос о войне 16
Кампания против большевиков 18
Наступление 18-го июня 21
Внутреннее положение 24
Июльские дни 27
После июльских дней 35
Восстание Корнилова 36
Борьба внутри Советов 39
Демократическое Совещание 44
Затруднения в тылу и на фронте 47
Неизбежность борьбы за власть 49
Борьба за С'езд Советов 51
Конфликт по поводу Петроградского гарнизона 52
Демократический Совет и предпарламент 56
Социалисты-революционеры и меньшевики 58
Выход из предпарламента. Голос фронта 62
Комиссары Военно-Революционного Комитета 65
Нарастание прилива 68
«День Петроградского Совета» 70
Завоевание колеблющихся частей 73
Начало восстания 74

стр.

Решающий день 81
Образование Совета Народных Комиссаров 85
Первые дни нового режима 87
Восстание юнкеров 29-го октября 91
Движение Керенского на Петроград 93
Крушение авантюры Керенского 97
Внутренние трения 104
Судьба Учредительного Собрания 109
Принципы демократии и диктатура пролетариата . . . 112

БРЕСТСКИЙ ЭТАП.

Мирные переговоры 121
Речь Народного Комиссара по иностранным делам. . . . 134
Вторая война и подписание мира 150
Заключение 156